
Бр 165/1790
F

Два дня среди крещеныхъ и отпавшихъ инородцевъ.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА МИССІОНЕРА).

По распоряженію епархіальнаго начальства 3 мая 1901 г. я отправился въ село Мелеузъ Стерлитамакскаго уѣзда (Уфимской г.). Проѣхавъ на лошадяхъ 325 верстъ, 5 мая я пріѣхалъ въ Мелеузъ.

Когда я съ своимъ спутникомъ — учителемъ С. Аѳонасьевымъ--приближался къ Мелеузу, была темная ночь. Смущеніе и сомнѣніе волновали мою душу. Вотъ оно село Мелеузъ,— о которомъ я читалъ и слышалъ такъ много печальнаго и страшнаго [1]). Одна за другой представлялись въ моемъ воображеніи картины 80-хъ годовъ XIX в.—времени отпаденія мелеузовцевъ въ мухаммеданство. Я представлялъ, между прочимъ, толпу крещенныхъ татаръ, слушающую муллу, нахально глумящагося надъ крестнымъ знаменіемъ, называя его „клеваніемъ“ (чукыныу), надъ иконами, почитаніе которыхъ онъ называетъ идолопоклонствомъ, и пр. Представлялъ того-же муллу, съ неподражаемымъ лицемѣрнымъ благоговѣніемъ читающаго Коранъ и произвольно въ свою пользу его толкующаго и этимъ уловляющаго неутвержденныхъ въ вѣрѣ во Христа крещенныхъ татаръ. Представлялъ толпу тѣхъ-же татаръ, съ озлобленіемъ смотрящую на священника, по незнанію ихъ языка, смущеннаго и затрудняющагося объяснить имъ что-либо изъ христіанства. Предъ

[1]) Объ отступленіи мелеузовскихъ крещенныхъ татаръ въ мухаммеданство см. книгу: Письма по расколу Н. П. Тюнина. Уфа 1889. стр. 398—404.

моимъ воображенiемъ одинъ за другимъ проходили образы: церковнаго старосты, бросившаго по разсказу Тюнина, священнику церковные ключи за то, что „ты другую бабу не давайшъ",— тѣхъ фанатиковъ, которые обворовали священника о. Громогласова, пытались даже поджечь его домъ и готовы были исполнить приказанiя муллы „рубить ему голову" [1]). Эти и подобныя картины, естественно, навели на меня нѣкоторый страхъ, усилившiйся при въѣздѣ въ село. Мнѣ думалось, что самъ злой духъ избралъ Мелеузъ мѣстомъ своей борьбы съ духомъ добра и невидимо витаетъ вотъ надъ этими домами, въ освѣщенныя окна которыхъ виднѣются пьющiе чай татары въ тюбетейкахъ...

Невольные вздохи вылетали изъ моей груди и сознанiе своей немощи меня окончательно смутило, такъ что, на вопросъ своего спутника, гдѣ остановиться? я съ трудомъ выговорилъ: спросите, гдѣ казенная квартира. Кучеръ спросилъ татаръ, сидящихъ у окна, и ему указали неподалеку домъ на углу. При этомъ природное любопытство татаръ было удовлетворено нашимъ кучеромъ, который сказалъ,—что привезъ поповъ Дурастанъ (изъ Дурасова). Слово „дурастанъ" послышалось татарамъ „арестантъ", и они предлагали везти насъ въ караульную избу. Но, спасибо, кучеръ разъяснилъ недоразумѣнiе. Эта сцена при иномъ настроенiи и другихъ обстоятельствахъ вызвала-бы у меня улыбку, но теперь она усугубила мой страхъ, и я, къ стыду своему, отказался отъ казенной квартиры и, не смотря на поздній часъ, поѣхалъ просить почлега у мѣстнаго священника.

Церковный сторожъ, по моей просьбѣ, доложилъ священнику о „гостяхъ изъ Белебея", и я объяснилъ ему, что я за гость.

Священникъ, о. Михаилъ Никитскiй, оказался человѣкомъ весьма любезнымъ и принялъ меня и моего спутника съ рѣдкимъ радушiемъ. Его супруга, не смотря на мой неоднократный протестъ, занялась хлопотами накормить путниковъ, а самъ хозяинъ сталъ знакомить меня съ положенiемъ дѣла объ

---

[1]) Письма по расколу Н. П. Тюнина, стр. 401.

отпадшихъ въ мухамеданство мелеузовцахъ. Спасибо ему большое, онъ успокоилъ меня своей бесѣдой, длившейся до 1 часу ночи, настолько, что мои нервы поулеглись, и я уснулъ спокойно.

6 мая, утро. Проснувшись, я увидалъ о. Михаила, собирающагося къ утреннему Богослуженію. Послѣ утрени онъ ходилъ въ Волостное Правленіе сдѣлать распоряженіе о приглашеніи всѣхъ отступниковъ въ зданіе Правленія.

Хотя по смыслу указа Консисторіи я долженъ былъ увѣщевать только двухъ крестьянъ, Василія Евграфова и Косьму Никитина съ ихъ семействами, но о. Михаилъ предложилъ мнѣ побесѣдовать со всѣми. Такъ какъ въ этотъ день о. Михаиломъ назначены были послѣ литургіи молебны въ поляхъ и на мѣстѣ, куда должна быть перенесена прежняя старая церковь, то бесѣда не могла состояться раньше 2 часовъ дня. Пока о. Михаилъ служилъ молебны, я въ его квартирѣ готовился къ предстоящему увѣщанію отступниковъ.

Я не составилъ конспекта и плана бесѣды заранѣе, потому что не былъ знакомъ съ настроеніемъ отпадшихъ и степенью знанія ими мухаммедантства и христіанскаго ученія. Ночная бесѣда съ о. Михаиломъ познакомила меня съ отступниками, и я намѣтилъ слѣдующіе три пункта для увѣщанія:

1. Отступники въ общемъ неграмотны—ни по-русски, ни по-татарски читать не умѣютъ и возраженія дѣлаютъ не на основаніи книгъ, а отъ себя. Впрочемъ есть между ними и читающіе мухаммеданскія книги, въ особенности нѣкто Рамазанъ, который даже путешествовалъ въ Мекку.

Ученіе свое, какъ и всѣ мухаммедане, отступники основываютъ на Коранѣ и его толкованіяхъ. Поэтому нужно начинать бесѣду съ Корана.

Предложить сначала 2 гл. 130—142 ст., 3 гл. 78 ст.

2. Такъ какъ приведенное мѣсто Корана требуетъ отъ мухаммеданъ признанія Евангелія наравнѣ съ книгами другихъ пророковъ, то не право поступаютъ люди, не слѣдующіе ученію Евангелія. Слова Евангелія отъ Бога, слѣдовательно въ этой

книгѣ все, что содержится, истина. Евангеліе же учитъ, что для спасенія отъ погибели и полученія рая нужно креститься.

Прочитать на татарскомъ языкѣ бесѣду съ Никодимомъ Іоан. 3 гл. 1—21 ст. и Марка 16 гл. 15—16 ст.

3. Объяснить прочитанное, но въ подробности не входить, догматическаго ученія о Троицѣ не касаться, а больше обращать вниманіе слушателей на историческую сторону вопроса. Обрѣзаніе со времени Авраама служило печатію, удостовѣряющею обѣщаніе Божіе о пришествіи Іисуса Спасителя. Съ пришествіемъ же Его обрѣзаніе значенія уже не имѣетъ. Напротивъ крещеніе, какъ духовное рожденіе ветхаго человѣка въ новаго, очищаетъ и омываетъ не тѣло только, но и душу человѣка,—будь онъ младенецъ или взрослый.

День 6 мая. Когда я, намѣтивъ приведенный планъ бесѣды, обдумывалъ подробности его, въ это время вернулся о. Михаилъ, а вслѣдъ за нимъ, посланный изъ Правленія, десятникъ извѣстилъ, что татары (около 70 человѣкъ) собрались.

Было ровно 2 часа дня, и мы, — т. е. я, о. Михаилъ и учитель С. Аѳанасьевъ, — сотворивъ молитву, отправились къ зданію Волостного Правленія. У крыльца послѣдняго насъ встрѣтили татары. Они всѣ сняли шапки и обнаружили свои тюбетейки. При видѣ ихъ мною овладѣло чувство жалости и меня поразили ихъ устремленные на меня взоры, въ которыхъ можно было читать и любопытство и озлобленіе. О. Михаилъ попросилъ всѣхъ собравшихся слѣдовать за нами въ Правленіе.

Пришли. Полная тишина. Всѣ стоятъ. По предложенію нѣкоторые сѣли. Вступленіе въ бесѣду сдѣлалъ о. Михаилъ. Въ своемъ обращеніи къ отступникамъ онъ поставилъ на видъ ихъ отвѣты, которые онъ слышалъ почти при каждомъ увѣщаніи, а именно: отступники ссылались на свое незнаніе русскаго языка и потому бесѣды его считали безполезной тратой словъ.

— „Теперь,—сказалъ о. Михаилъ,—вы не будете ссылаться на это, потому что человѣкъ, который будетъ говорить съ вами, знаетъ вашъ языкъ. Начальство изъ желанія вамъ добра выписало его за 400 верстъ „для вашего увѣщанія и вразумленія“..

Но о. Михаилу не дали дальше говорить. Всѣ вразъ закричали: „нѣтъ, мы этого не говорили; мы отлично знаемъ русскій языкъ, только считаемъ напраснымъ трудомъ ваши увѣщанія. Мы говорили, что никогда не вернемся къ православію, сколько бы насъ ни стѣсняли“.

Когда же о. Михаилъ сталъ уличать ихъ въ несправедливости ихъ словъ, то нѣкоторые сознались, что дѣйствительно ссылались на незнаніе языка и что многіе и въ самомъ дѣлѣ плохо знаютъ русскій языкъ.

Когда водворилось спокойствіе, началъ говорить я, пригласивъ предварительно всѣхъ слушать мои слова внимательно и спокойно, безъ горячности и ожесточенія, какія обнаружили нѣкоторые изъ слушателей сейчасъ. „Я пріѣхалъ къ вамъ, началъ я, не какъ судья или слѣдователь, не допросы снимать, не пугать васъ и тѣмъ болѣе не наказывать, а единственно изъ желанія добра вамъ, какъ своимъ братьямъ. Ибо всѣ люди отъ Адама, всѣ братья, всѣ должны любить другъ друга, другъ другу помогать и способствовать тому, чтобъ на землѣ былъ миръ, а не вражда и ссора. Тѣмъ болѣе люди, которые имѣютъ законъ, данный имъ отъ Бога, должны и жить по закону.

Законъ отъ Бога для всѣхъ одинъ, лишь люди не всѣ одинаково слѣдуютъ этому закону, иные уклоняются. Уклоненіе отъ Закона Божія въ то же время есть и уклоненіе отъ закона гражданскаго, противленіе власти Государя. Потому вотъ и вы, уклонившись 20 лѣтъ тому назадъ отъ исполненія Закона Божія, содержащагося въ Евангеліи, сдѣлались противниками волѣ Государя и Его закону. Однако, какъ Богъ изъ любви къ людямъ ждетъ ихъ обращенія, не наказывая ихъ, такъ и царь желаетъ вашего обращенія отъ заблужденія и для увѣщанія и вразумленія васъ время отъ времени посылаются особые люди, чтобы сообщить вамъ истинное ученіе Христово, на Божіемъ словѣ утвержденное.

Итакъ будемъ бесѣдовать. Будьте откровенны, не стѣсняйтесь высказывать все, что у васъ на душѣ. Если есть между вами грамотные, т.-е. могущіе читать по-русски или по-татарски, или даже по арабски, пожалуйте впередъ къ столу“.

Слова, сказанныя на родномъ языкѣ слушателей, впервые услышавшихъ ихъ изъ устъ священника, видимо ихъ поразили.

Всѣ молчали, и на приглашеніе подойти ближе къ столу никто не шелъ. Допустить же, что никто изъ присутствующихъ не умѣетъ читать по-татарски, я не могъ, ибо внѣшность нѣкоторыхъ обличала въ нихъ „книжниковъ“. Когда же я затронулъ самолюбіе слушателей, высказавши намѣренно сожалѣніе объ ихъ неграмотности, то они назвали Рамазана, который, по словамъ о. Михаила, исправляетъ у нихъ должность муллы. Зная то, что бесѣдовать одновременно со всѣми невозможно, и то, что съ умѣющими читать Коранъ и др. книги и удобнѣе бесѣда и вѣрнѣе достигается успѣхъ, я весьма обрадовался появленію Рамазана. Это было мнѣ на руку. Выступилъ Рамазанъ. Онъ оказался вовсе не такимъ, какимъ я его представлялъ. Для маскировки ли или страха ради онъ былъ безъ чалмы и не въ халатѣ, какіе обыкновенно носятъ муллы, а въ простой татарской одеждѣ. Наружность Рамазана не представляла ничего особеннаго, кромѣ развѣ разсѣченой посрединѣ верхней губы. Я предложилъ ему стулъ. Мы сѣли почти рядомъ. Я былъ спокоенъ, а Рамазанъ волновался. Видно было, что ему въ первый разъ приходится выступать на борьбу съ противникомъ его заблужденія, которое онъ легко сѣялъ у своихъ, но каково будетъ отстаивать его предъ всѣмъ обществомъ? Я далъ ему успокоиться, приглашая не бояться, ибо я зла ему не намѣренъ дѣлать, а хочу лишь читать изъ писанія, что составляетъ одну изъ главныхъ добродѣтелей по ученію ислама [1]).

— Такъ ли, Рамазанъ, говорю я? — Такъ, чтеніе Корана весьма спасительно. — Вотъ и будемъ читать. Ты принесъ ли Коранъ? — Нѣтъ. — Жаль, нельзя ли послать? — Можно. — Пошли-ка, пожалуйста, за нимъ. Послали.—А тѣмъ временемъ побесѣдуемъ, Рамазанъ, съ тобой, а другіе насъ послушаютъ.

„Мухаммедане говорятъ, что для полученія спасенія нужно слѣдовать ученію одного лишь Корана. Между тѣмъ самъ Коранъ говоритъ, что должно слѣдовать ученію Авраама, Исаака,

[1]) Свѣдѣнія о коранѣ г. Саблукова стр. 70.

Моисея и Іисуса и не слѣдуетъ дѣлать между ними различія. Вотъ это мѣсто; читайте, Рамазанъ, сказалъ я, указывая на слова Корана:

„Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что̀ свыше ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Іакову и колѣнамъ его; въ то, что̀ дано Моисею, Іисусу и пророкамъ отъ Господа ихъ: пе дѣлаемъ различія между всѣми ими, и Ему мы покорны". Коранъ 3, 78.

„Скажи: принесите Законъ (пятикнижіе) и читайте его, если вы справедливы". Коран. 3, 87.

Рамазанъ, очевидно, за нетвердымъ знаніемъ арабскаго языка, прочиталъ указанное мѣсто не вслухъ, а переводить прочитанное на татарскій языкъ и вовсе отказался. Тогда я прочиталъ по арабски самъ, перевелъ на татарскій языкъ и обратился къ слушателямъ:—Сейчасъ прочитанное мѣсто Корана ясно свидѣтельствуетъ, что вы должны слѣдовать не Корану только, но и книгамъ другихъ пророковъ и Іисуса. Рамазанъ, вѣроятно, знаетъ названіе этихъ книгъ?

— Знаю: у Моисея (Законъ) — Таурят, у Давида (Псалтирь)—Зябур, у Іисуса (Евангеліе)—Инжиль.

— Отлично. Теперь скажи, Рамазанъ, гдѣ находятся эти книги, и какое ученіе въ нихъ содержится?

— Гдѣ онѣ, я не знаю, а ученіе ихъ вошло въ Коранъ.

— Но ты можешь указать въ Коранѣ тѣ мѣста, гдѣ передается ученіе Моисея или Давида, или же Іисуса?

— Нѣтъ, я не могу указать этихъ мѣстъ.

— Можетъ быть ты слышалъ отъ ученыхъ муллъ объ этихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, я только слышалъ, что всѣ эти книги теперь ненужны, онѣ замѣнены Кораномъ.

— Но ты вѣдь не можешь отвергать того, что книги эти сохранились гдѣ-либо,—не у мухаммеданъ, а хотя бы у насъ—христіанъ?

— Я знаю, что евреи и теперь слѣдуютъ ученію Моисея, а христіане—Евангелію.

— Совершенно вѣрно. Значитъ, Евангеліе сохранилось у христіанъ. Ты вотъ сказалъ, что оно отмѣнено Кораномъ. Какая къ тому была необходимость? Развѣ ученіе Евангелія было несовершенное?

— Не знаю; но Богъ благоволилъ послать послѣ Евангелія Коранъ, послѣднюю книгу, замѣнившую всѣ прежнія книги.

— Допустимъ, что такъ; но вѣдь тогда въ Коранѣ должно быть ясно изложено ученіе всѣхъ пророковъ и Іисуса? Гдѣ же въ Коранѣ говорится о Іисусѣ и что говорится о Немъ?

— Я не могу сейчасъ показать всѣ мѣста Корана о Іисусѣ, но знаю, что онъ былъ великій чудотворцевъ. Онъ, напримѣръ, исцѣлялъ слѣпыхъ, хромыхъ и прочихъ больныхъ.

— Ты правду сказалъ, что Іисусъ былъ чудотворецъ, но интересно бы знать, какъ разсказывается въ Коранѣ, хотя бы напр. объ исцѣленіи слѣпого.

— Объ этомъ разсказа въ Коранѣ нѣтъ.

— Если нѣтъ разсказа объ этомъ, то можетъ быть есть о другомъ чудѣ Его.

— У насъ о чудесахъ его говорится кратко.

— Если говорится обо всемъ въ Коранѣ кратко, то какъ же онъ полностью отмѣняетъ Евангеліе. Вѣдь отмѣнять можно полное полнымъ или же болѣе полнымъ. Иначе будетъ по пословицѣ: „промѣнялъ топоръ на шило“ [1]).

Вѣдь недостаточно сказать что Іисусъ дѣлалъ то-то и то-то, а надо знать когда, какъ, для чего Онъ это дѣлалъ. Напримѣръ исцѣлилъ слѣпорожденнаго. Скажи когда, какъ и для чего?

— Это Богу извѣстно, а мы не должны объ этомъ спрашивать.

— Не должны спрашивать—это вѣрно, но когда Богъ самъ намъ говоритъ или посланниковъ Его велитъ слушать, неужели уши затыкать?

— Нѣтъ, слушать надо.

— Если надо слушать, то слушайте. Я вамъ прочитаю изъ Евангелія разсказъ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго. Согласны?

1) „Балта биреб шөшлӧ алганъ“,—любимая пословица татаръ.

Всѣ вдругъ: — читай, согласны! — прочиталъ Іоанна гл. 9.

— Ну, какъ вамъ кажется, понятно-ли Евангеліе?

— Рамазанъ сказалъ: понятно, но это то ли самое Евангеліе, которое дано Іисусу?

— Евангеліе не дано Іисусу, а написано Его учениками, видѣвшими Его чудеса и слушавшими Его ученіе. Вѣдь Іисусъ былъ не пророкъ только, а выше пророка. А кто Онъ былъ, ясно изъ Евангелія, котораго вы не имѣете. Впрочемъ Іисусъ и у васъ въ Коранѣ [1]) называется Духъ Божій. А это показываетъ, что Онъ выше всѣхъ пророковъ, потому что никто изъ пророковъ не называется Духомъ Божіимъ. Разъ Іисусъ Духъ Божій, то зачѣмъ Ему посредничество ангеловъ для откровенія воли Божіей и таинъ небесныхъ? Онъ Самъ безъ всякаго посредника открылъ волю Божію людямъ и указалъ средства для спасенія и полученія рая. Не хотите-ли, я вамъ прочитаю о средствахъ спасенія?

Въ это время явился посланный за Кораномъ и подалъ Рамазану большую книгу, которая оказалась не Кораномъ, а его толкованіемъ. Рамазанъ не нашелъ въ ней словъ Корана гл. 3 ст. 78, а сталъ читать толкованіе 3 главы 40—43 ст., гдѣ Іисусъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и всѣ сотворенные Богомъ люди.

— Допустимъ, Рамазанъ, что Іисусъ—рабъ Божій и простой человѣкъ, но какъ же ты объяснишь тогда слова Корана: „послали Мы къ ней Духа нашего“ [2]), изъ которыхъ ясно видно, что Марія зачала Іисуса отъ Духа Божія?

— Объ этомъ здѣсь толкованія нѣтъ.

— Если нѣтъ толкованія, то какъ же думать о Іисусѣ: Духъ Божій Онъ, или простой человѣкъ? Если здѣсь, въ твоей книгѣ, Іисусъ называется только рабъ Божій, то это толкованіе неправильно, потому что въ Коранѣ Іисусъ называется Духомъ Божіимъ, а если въ этой книгѣ толкованіе правильное, то въ Коранѣ Іисусъ неправильно названъ Духомъ Божіимъ.

— Въ Коранѣ все правда.

---

[1]) Коранъ гл. 4. ст. 169.

[2]) Коран. 19, 17.

— Если правда, такъ и будемъ называть Іисуса Духомъ Божіимъ по Корану, а толкованіе, содержащееся въ твоей книгѣ, не будетъ для насъ имѣть значенія. Вотъ и будемъ слушать ученіе Духа Божія, которое содержится въ Евангеліи.

— Читай, мы чтеніе готовы слушать, только все равно пользы для тебя не будетъ; мы христіанами ужъ не будемъ,— заявили голоса.

— Зачѣмъ такъ говорить? Я вѣдь не настаиваю на томъ, чтобъ вы сейчасъ же сняли тюбетейки и пошли со мной въ церковь. Вы слушайте не меня, а Іисуса, Который однажды разговаривалъ съ однимъ человѣкомъ такъ же, какъ я, напримѣръ, теперь съ Рамазаномъ. Слушайте же!—Затѣмъ я прочиталъ бесѣду І. Христа съ Никодимомъ—Іоанна 3, 1—21.

— Вы слышали, что для полученія спасенія, по Евангелію, нужно родиться водою и духомъ. Это для васъ непонятно, какъ не понялъ эти слова и собесѣдникъ Іисуса Никодимъ. Но въ Евангеліи нѣтъ ничего непонятнаго (кстати: а въ Коранѣ есть мѣста, которыя понимаетъ одинъ только Богъ, напримѣръ, начальныя буквы нѣкоторыхъ главъ) [1]). Рожденіе водою и духомъ—значитъ крещеніе. Объ этомъ вотъ что говорится: Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ [2]).

Видите, слушатели, что Іисусъ заповѣдалъ креститься. Онъ говоритъ, кто крестится, тотъ спасенъ будетъ, а кто не крестится, тотъ—осужденъ. Не я говорю, а Евангеліе, въ Евангеліи — слова Іисуса, а Іисусъ — Духъ Божій (по словамъ Корана), слѣдовательно Самъ Богъ велѣлъ намъ креститься. Вы же отказались отъ своего крещенія и слѣдовательно пошли противъ Бога. Ладно-ли вы сдѣлали?

Голоса изъ толпы: — Ладно, или нѣтъ мы не знаемъ, но креститься не станемъ. Объ этомъ намъ много толковали, и у насъ одинъ отвѣтъ—не пойдемъ въ церковь: мы мусульмане и никогда не были христіанами.

---

[1]) Такъ думаютъ мусульмане.
[2]) Марка гл. 16, ст. 16.

— Какъ же вы не были христіанами, когда у васъ имена христіанскія и вы записаны въ метрикахъ?

— Мы крещенія своего не помнимъ, а записи не читали. Вольно священникамъ записывать: у нихъ книга и перо въ рукахъ.

— Однакоже священники не записали, напримѣръ, Четырмановскихъ татаръ крещеными, а мелеузовскихъ. Утверждать, что вы не крещены нельзя, потому что вы знаете, что никогда не пишутъ того, чего не было. Хотя бы на судѣ: развѣ слѣдователь или земскій начальникъ запишутъ то, чего не было сказано. Вѣдь некрещеныхъ въ церкви и не вѣнчаютъ, и въ церковные старосты не выбираютъ, а вы вѣнчались, и нѣкоторые изъ васъ служили въ церковныхъ старостахъ.

Тутъ выступилъ изъ толпы одинъ и говоритъ: и я былъ старостой, но я не крещенъ, мнѣ мать говорила: „тебя въ церковь не носили“.

— Что же ты при избраніи въ старосты не заявилъ о своемъ некрещеніи?

— Я ходилъ по приговору общества, отказаться было нельзя.

— А я слышалъ, что ты пожелалъ имѣть двухъ женъ?

— И это правда, но что въ этомъ худого?

— А то, что Богъ далъ Адаму одну Еву и другимъ велѣлъ имѣть только одну.

— Нашъ пророкъ разрѣшилъ имѣть четырехъ.

— А самъ, скажи, имѣлъ четырнадцать [1]).

— Онъ за то былъ пророкъ.

— Если этимъ измѣряется достоинство пророка, то турецкій султанъ и нѣкоторые изъ его генераловъ выше Мухаммеда, потому что имѣютъ еще большее число женъ.

— Это не наше дѣло, мы ихъ не видали.

— Если ты не хочешь говорить о томъ, чего не видѣлъ, то скажи: для чего ты принялъ обрѣзаніе?

[1]) О женахъ Мухаммеда, см. Соч. М. Машанова. „Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ“. Приложеніе первое. Казань 1876 г.

— Я не мулла, чтобъ знать все: такъ требуетъ вѣра.

— Если тебѣ мулла скажетъ: отруби руку или голову, ты однако вѣдь не послушаешься его?

Молчаніе.

— Скажи ты, Рамазанъ, для чего требуется обрѣзаніе?

— Это—сюннят—преданіе, которому надо слѣдовать.

— Крещеніе не только преданіе, но заповѣдь, несоблюденіе которой лишаетъ рая небеснаго, однако ты не слѣдуешь ему?

Голоса: ты опять о крещеніи, мы не будемъ слушать, позволь уйти.

— Нѣтъ, вѣдь я говорю объ обрѣзаніи и прошу слушать. Однако, кто не хочетъ слушать, я не стѣсняю: пусть идетъ домой.

— Слушать мы готовы, говори, но о крещеніи не толкуй: что было, того не воротишь, мы уже мухаммедане. Не мало начальниковъ къ намъ пріѣзжало, и всѣ объ одномъ толковали, но у насъ отвѣтъ одинъ: для васъ хороша ваша вѣра, для насъ наша. Мы не были христіанами и не будемъ, хоть голову руби.

— Зачѣмъ голову рубить, Богъ не велитъ убивать. Онъ не желаетъ смерти, а желаетъ жизни не только временной, но и вѣчной. Онъ желаетъ, чтобъ всѣ люди въ раю были. Если бъ Онъ желалъ смерти и гибели людей, то зачѣмъ было посылать пророковъ, давать людямъ писаніе, установлять обряды и богослуженіе? Вѣдь и обрѣзаніе, о которомъ у насъ рѣчь, установлено Богомъ для спасенія и блаженства. Аврааму, котораго вы знаете, какъ пророка, Богъ обѣщалъ, что пошлетъ Избавителя [1]), и въ знакъ этого повелѣлъ обрѣзывать крайнюю плоть. Когда же обѣщанный Спаситель пришелъ, то обрѣзаніе потеряло значеніе. Объясню это примѣромъ. Въ торговомъ дѣлѣ часто случается, что данное слово, напримѣръ, объ уплатѣ взятыхъ взаймы денегъ подкрѣпляется подписью и печатью. Эта подпись съ печатью служитъ доказательствомъ того, что данное слово будетъ испол-

[1]) Бытіе 22 гл. 18 ст.

нено. Когда же обѣщанное исполнено, то бумага съ подписью и печатью уничтожается. Обрѣзаніе было печатью даннаго Богомъ обѣщанія о пришествіи Спасителя. Когда же Онъ пришелъ, то нѣтъ нужды обрѣзываться. Когда кто-либо, напримѣръ солдатъ, находится вдали отъ дома и семейства, онъ пишетъ о себѣ письма; а когда онъ вернется домой, нужно ли ему писать подобныя письма? Все, что было заповѣдано Богомъ до пришествія Іисуса, служило приготовленіемъ людей къ принятію Его. Поэтому то и совершилось все, что нужно для спасенія, пришествіемъ Его на землю. Я вамъ уже говорилъ, что Іисусъ былъ не пророкъ только, но Духъ Божій по Корану, а по Евангелію — Самъ Богъ, поэтому больше того, что сдѣлано было Имъ для спасенія людей, не сдѣлалъ никто и сдѣлать не можетъ. Слѣдовательно дополнять Евангеліе Кораномъ-ли или чѣмъ-либо другимъ совершенно излишне и противно волѣ Божьей. Я вамъ уже читалъ изъ Евангелія о томъ, что главнымъ образомъ требуется для спасенія, но вы слышать объ этомъ не хотите, повторять пока не стану. Скажу только, что истина только одна, а не двѣ: не двѣ истинныхъ вѣры, а одна, и она содержится въ Евангеліи. Потому, кто противится Евангелію, тотъ противится Богу и Его закону, и вмѣстѣ съ тѣмъ противится Царю и закону царскому, потому что законы государства основаны на законѣ Божьемъ. И если законы гражданскіе не наказываютъ васъ за ваше отступленіе отъ вѣры, то это не доказательство того, что правда на вашей сторонѣ: Богъ милостивъ и долготерпѣливъ и ждетъ вашего возвращенія, такъ и Государь изъ жалости терпитъ ваше беззаконіе, ожидая вашего вразумленія.

По окончаніи бесѣды я обратился ко всѣмъ. Я вамъ говорилъ, что желаніе вамъ добра заставило меня пріѣхать сюда за 400 почти верстъ. Я вамъ не врагъ и, думаю, что и вы меня не считаете нехорошимъ человѣкомъ. Желалъ бы я поближе познакомиться съ вами, а для этого надо съ вами поговорить по душѣ, безъ шуму и крику, которые только вредятъ нашему знакомству и дѣлу. Не найдется-ли изъ вашей среды такого добраго человѣка, который бы пригласилъ насъ къ себѣ на чай?

Раздались голоса: „Зови, Батыргарей, ты вѣдь живешь хорошо, у тебя есть, чѣмъ угостить“.

Выступилъ изъ толпы татаринъ, богато одѣтый, тучный, въ очкахъ. Онъ оказался Василіемъ Евграфовымъ, котораго мнѣ и было нужно. Я съ радостію принялъ его приглашеніе и обѣщался придти черезъ часъ. Каково же было мое удивленіе, когда къ этому времени онъ прислалъ кучера на росломъ рысакѣ, запряженномъ въ рессорный экипажъ?

Ждать я не заставилъ и тотчасъ поѣхалъ въ его домъ.

Домъ Василія Евграфова представляетъ изъ себя одноэтажное высокое зданіе около 25 арш. длины и 15 арш. ширины съ парадными ходомъ, съ большими окнами; снаружи домъ окрашенъ въ кирпичный цвѣтъ, а внутри оштукатуренъ и оклеенъ обоями. Обстановка городская. У одной изъ стѣнъ главной комнаты диванъ, въ переднемъ углу, когда-то, вѣроятно, украшенномъ иконой, четыре кресла и столъ, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, на передней стѣнѣ большое зеркало. Другая комната поменьше и безъ мебели. Еще небольшая комната направо отъ входа съ коврами, перинами и подушками, очевидно спальня хозяина. Дальше комната безъ штукатурки — очевидно кухня. Для женщинъ выстроенъ неподалеку особый каменный флигель. Какъ снаружи, такъ и внутри домъ напоминаетъ, что владѣлецъ его не простой крестьянинъ, а купецъ. Когда я со своимъ спутникомъ вошелъ въ главную изъ комнатъ, хозяинъ пригласилъ занять мѣсто за столомъ, на которомъ были: хлѣбъ и дессертъ. Вскорѣ подали чай и пиво. Одновременно съ этимъ явились мой собесѣдникъ Рамазанъ и до десяти другихъ татаръ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ хозяинъ пригласилъ за столъ, а остальные заняли мѣста около стола. Я бесѣдовалъ съ хозяиномъ о его занятіяхъ, торговлѣ и пр. Слушалъ его разсказъ о леченіи его глазъ, о знакомствѣ его съ начальствомъ и проч. Я разсказалъ кое-что изъ жизни въ Белебеевскомъ уѣздѣ, и бесѣда завязалась. Отъ обыденныхъ житейскихъ вещей мы перешли къ прошлому. Говорили о дешевизнѣ жизни въ былыя времена, объ обиліи лѣсовъ, земли и пр. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ исторіи пугачевскаго бунта, говорили о бѣдствіяхъ, причиненныхъ

шайками Пугачева населенію края. Хозяинъ передавалъ извѣстное ему по преданію, но о крещеніи мелеузовцевъ Пугачевымъ насильно, какъ разсказывается у Тюнина, онъ не говорилъ. Чтобы выяснить этотъ вопросъ окончательно, я спросилъ, обращаясь ко всѣмъ, прямо: правда-ли, будто бы Пугачевъ велѣлъ крестить мелеузовскихъ татаръ насильно?

— Не знаемъ, хотя говорятъ иные, что было такъ.

— Но я знаю, сказалъ Василій Евграфовъ, что мои предки были издавна мухаммеданами. Это видно изъ ихъ родословія, и онъ перечислилъ до шести именъ своихъ предковъ по восходящей линіи.

— Откуда же послѣ этого у васъ христіанскія имена— Василій, Евграфъ и др.? спросилъ я.

— Это — по книгамъ, а насъ, кромѣ поповъ, никто такъ не звалъ.

— А попы всетаки звали? Когда же и гдѣ они съ вами встрѣчались: въ церкви, въ домахъ или на базарѣ?

— Въ церковь мы никогда не ходили, а ребятъ крестить носили. Попы же у насъ бывали по праздникамъ.

— И что же? вы охотно принимали ихъ и всѣ присутствовали въ домѣ во время служенія молебновъ?

— Принимали и деньги давали; при этомъ бывало только хозяева стояли, а женщины и дѣти боялись являться попамъ.

— Чего же они боялись?

— Боялись потому, что они нерѣдко ругали насъ за нехожденіе въ церковь, несоблюденіе постовъ, неношеніе крестовъ и тому подобное.

— Значитъ, вы дѣйствительно не соблюдали постовъ и крестовъ не имѣли?

— Свой постъ въ Рамазанъ соблюдали, а крестовъ, правда, не носили.

— А священники знали, что вы соблюдаете постъ въ Рамазанъ?

— Нѣтъ, мы постились и молились тайно.

— Ты сказалъ, что попы васъ ругали. Я думаю не всѣ же

такъ поступали, вѣдь были между ними и хорошіе, которые добрыми словами васъ учили?

— Такихъ я не помню, а вотъ Громогласовъ за пазухой у женщинъ кресты смотрѣлъ, это всѣмъ извѣстно. Какъ же женщина пойдетъ послѣ этого на молебенъ?

— Очень просто; взяли бы и надѣли кресты, и священникъ остался бы доволенъ и по пазухамъ бы не шарили.

— Но вѣдь намъ родители этого не говорили, а попы тоже не объясняли, для чего надо носить кресты?

— А все же вы деньги давали священникамъ за ихъ службу?

— Давали. Къ нѣкоторымъ въ домъ не заходили, такъ тѣ въ калитку рублевки совали.

— Да правда ли это? усумнился я.

— Правда, правда, это было у того-то и у того-то, заговорили слушатели наперерывъ.

— Допустимъ, что было и такъ. Но вѣдь это не доказательство того, что вѣра христіанская плохая. Священники учили васъ сначала добрыми словами, а такъ какъ вы ихъ не понимали и не слушали, то за ваше упорство и они стали потомъ поступать съ вами строго. Тогда были священники, незнающіе вашего языка. Да и книги были всѣ на русскомъ языкѣ. Вотъ теперь есть священники, которые хорошо говорятъ по-татарски, и книги напечатаны на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и по—татарски. Стали бы вы слушать, еслибы священники читали Евангеліе и другія книги на татарскомъ языкѣ и бесѣдовали съ вами такъ-же, какъ я теперь?

— Не знаю. Теперь уже поздно. Послѣ всего того, что мы испытали за эти 20 лѣтъ, невозможно вернуться. Мы не виноваты, если уклонились по незнанію, а учить, кромѣ муллы, никто насъ не училъ. Не желаніе наградъ какихъ-либо, не желаніе молодой жены, а желаніе имѣть свою вѣру заставило насъ сдѣлать шагъ къ открытому исповѣданію ислама. Я не учился, не знаю ни христіанства, ни мухаммеданства, но мои дѣти учились въ медресе [1]). Старшій изъ нихъ крещенъ, а младшій, ко-

[1]) Мусульманская школа.

торому 20 лѣтъ, не крещенъ. Вотъ этихъ-то шакирдовъ теперь никакимъ страхомъ, ни какимъ обѣщаніемъ не сдѣлаешь христіанами. Да и дочери мои: сидѣли онѣ у меня на шеѣ до 25 лѣтъ. Куда же я ихъ дѣну? За крещеныхъ не идутъ, мухаммедане ихъ не берутъ, а въ деревнѣ подходящихъ жениховъ изъ своей среды не было. Думалъ, думалъ я, и выдалъ ихъ за мухаммеданъ. За это вотъ и судили меня въ окружномъ судѣ и по этапу гоняли, заключилъ свой разсказъ Василій Евграфовъ со вздохомъ.

Послѣ этого я обратился къ Рамазану: ты, Рамазанъ, хотѣлъ найти мѣсто въ Коранѣ, которое искалъ по толкованію, но не нашелъ. Дайте-ка сюда Коранъ. Второй сынъ Василія Евграфова (учившійся въ медресе) принесъ Коранъ.

Рамазанъ по-счету звѣздочекъ 3-ей главы нашелъ 78-й стихъ, который оказался искомымъ мѣстомъ.

— Теперь, Рамазанъ, ты не будешь сомнѣваться въ подлинности словъ Корана, на которыя я указывалъ въ своей книгѣ во время бесѣды?

— Въ Коранѣ написано то-же, что въ твоей книгѣ.

— Значитъ ты соглашаешься съ тѣмъ, что я говорилъ по поводу этого мѣста въ Коранѣ?

— Я и тогда говорилъ, что Евангеліе признаю.

— Но ты говорилъ, что Евангеліе вошло въ Коранъ, а между тѣмъ не показалъ, какое мѣсто Корана содержитъ ученіе Евангелія. Признавать Евангеліе—значитъ вѣрить, что эта книга существуетъ отдѣльно отъ Корана и содержитъ отдѣльное совершенно различное ученіе.

— Въ этомъ смыслѣ о Евангеліи у насъ не говорится, и мнѣ нѣтъ нужды при Коранѣ слѣдовать еще Евангелію.

— Напротивъ, нѣтъ нужды при Евангеліи слѣдовать ученію Корана.

— Я съ этимъ не согласенъ, да и намазъ совершить пора, прощай, сказалъ Рамазанъ, уходя изъ комнаты.

Когда я бесѣдовалъ съ Василіемъ Евграфовымъ и присутствующими въ его домѣ, то за дверью въ другой комнатѣ замѣтно было присутствіе трехъ женщинъ, слушавшихъ въ щелку немного приотворенной двери.

Послѣ вышеописанной бесѣды я отвелъ Василія Евграфова въ сторону и попросилъ позволенія войти на женскую половину дома. Я сказалъ ему: знаю я, Василій Евграфовичъ, что у мусульманъ не принято допускать постороннихъ мужчинъ на женскую половину дома, но вѣдь бываютъ случаи, когда этотъ обычай нарушается, — напримѣръ, когда мулла читаетъ надъ больной женщиной Коранъ, когда врачъ осматриваетъ больную и даетъ ей лекарство отъ болѣзни и пр. Священникъ называется тоже врачемъ, онъ даетъ тоже лекарство, какъ и докторъ. Лекарство священника—это слова утѣшенія, которыя онъ говоритъ изъ книги. Вотъ въ качествѣ врача я и попросилъ бы тебя допустить меня къ женщинамъ твоего дома.

Василій Евграфовъ ушелъ на женскую половину и скоро воротившись пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Онъ привелъ меня въ третью изъ комнатъ, гдѣ сидѣла старуха лѣтъ подъ 60. Туда же вошли и двѣ молодыя женщины. Старуха оказалась той самой Ивановной, которую почти всѣ въ Мелеузѣ знаютъ за весьма добрую старуху. Она, говорятъ, когда-то и въ церковь ходила и по-русски говорила. Теперь-же она сдѣлалась усердной мухаммеданкой. Одна изъ молодыхъ женщинъ оказалась женой самого Василія Евграфова, на которой онъ женился лишь годъ тому назадъ. Ей 18 лѣтъ. Другая женщина — жена его старшаго сына. Оставивъ меня одного съ упомянутыми женщинами, Василій Евграфовъ удалился къ гостямъ. Я обратился къ Ивановнѣ: какъ тебя зовутъ, бабушка?

— Салу-бикя.

— Кого же здѣсь зовутъ Ивановной?

— Меня звали прежде, это мое русское имя. Мужа моего звали Павелъ Евграфовичъ.

— Онъ, видно, былъ братомъ Василія?

— Да. Вотъ парень, который подавалъ вамъ чай, мой

сынъ. Мой мужъ съ братомъ жили больно хорошо, поэтому онѣ и не отдѣляетъ насъ послѣ смерти моего старика.

— Это хорошо, Ивановна, жить вмѣстѣ. Въ книгѣ пророка Давида, можетъ слышала, сказано: какъ хорошо, какъ пріятно братьямъ жить вмѣстѣ (Пс. 132, I)?

— Нѣтъ, я не слыхала этого въ книгѣ.

— Я не говорю въ книгѣ мухаммеданской, тамъ этого нѣтъ. Напротивъ, въ книгахъ мухаммеданскихъ есть мѣста, которыя позволяютъ мужьямъ разводиться съ своими женами [1]) и жениться на молодыхъ [2]), и имѣть женъ столько, сколько кто захочетъ [3]).

По Корану мужъ можетъ бить свою жену [4]), а по ученію Іисуса Христа, по Евангелію, мужъ долженъ имѣть одну только жену и не разлучаться съ нею (Матѳ. V, 32), любить ее такъ, какъ Богъ любитъ людей (Ефес, V, 25—30 ст.). — Теперь подумай, Ивановна, гдѣ о женщинѣ говорится лучше—въ Коранѣ или въ Евангеліи?

— Я вѣдь неученая, гдѣ намъ знать; не бабьяго ума это дѣло.

— Всетаки можно представить, хорошо ли было бы тебѣ, еслибъ твой мужъ выгналъ тебя изъ дому, да взялъ бы себѣ пять молодыхъ женъ?

— У меня Павелъ Евграфовичъ былъ хорошій человѣкъ, онъ никогда меня не обижалъ.

— Значитъ, и по твоему выходитъ, что, если кто при живой женѣ беретъ еще другихъ женъ, тотъ плохой человѣкъ?

— Конечно.

— Вѣдь Коранъ не запрещаетъ этого, значитъ онъ говоритъ неладно?

На этотъ вопросъ Ивановна не отвѣтила и сильнѣе зашептала мухаммеданскія молитвы. Изъ боязни, чтобъ она вовсе не уклонилась отъ бесѣды, я перевелъ рѣчь на другой предметъ.

---

[1]) Коранъ 2 гл. 226 ст.
[2]) Коранъ 4, 28—30.
[3]) Коранъ 70 гл. 29 ст.
[4]) Коранъ 4 гл. 38 ст.

Я спросилъ: вотъ, Ивановна, твой мужъ, Павелъ, умеръ: гдѣ онъ теперь находится?

— Это Богу извѣстно: онъ былъ хорошій человѣкъ.

— Да, хорошимъ людямъ обѣщанъ рай. Такъ какъ онъ умеръ мухаммеданиномъ, то и надо полагать, что онъ будетъ въ мухаммеданскомъ раю. Имѣешь-ли ты понятіе объ этомъ раѣ?

— Слышала отъ дѣтей, что тамъ будетъ очень хорошо.

— Именно, что же хорошо?

— Хорошо то, что тамъ будетъ всего довольно, сколько хочешь: всякія кушанья, питія, одежды и пр.

— Значитъ, тамъ будетъ то же, что было здѣсь у Павла Евграфовича: вѣдь у него и здѣсь было всего довольно, онъ жилъ богато, ни въ чемъ не нуждался. А я думаю, что ему хуже, чѣмъ здѣсь, потому что у него нѣтъ тамъ жены, какъ здѣсь у тебя нѣтъ мужа. Вѣдь скучновато безъ мужа, Ивановна?

— Я уже старуха.

— Вотъ Василій Евграфовичъ тоже немолодой, однако женился на молоденькой. Еслибъ былъ живъ Павелъ Евграфовичъ, то, вѣроятно, тоже взялъ бы другую молодую жену?

— Мы жили очень дружно, онъ не огорчилъ бы меня: не женился бы.

— Ты бы желала быть съ нимъ и на томъ свѣтѣ вмѣстѣ?

— Я и думаю, что буду.

— Но приметъ ли онъ тебя, вѣдь у него тамъ будетъ семьдесятъ молодыхъ женъ? Я думаю, если и приметъ, ты сама не пойдешь къ нему: не поладишь съ своими соперницами, разсоришься и драться будешь. Въ одномъ домѣ не только семьдесятъ, но и семь женъ не могутъ жить въ мирѣ. Не правда ли, Ивановна?

— Здѣсь такъ, но тамъ будетъ иначе.

— Иначе, правду ты говоришь, но это не по книгамъ мухаммеданскимъ Въ нихъ загробная жизнь представляется, какъ ты сама знаешь, продолженіемъ земной жизни, жизни по плоти, которая требуетъ и пищи, и питія, и одежды, и жену,

и дѣтей, и пр. А за гробомъ все это не нужно: напримѣръ, къ чему имѣть много женъ, когда дѣторожденія тамъ не будетъ?

Напротивъ, въ книгахъ христіанскихъ ученіе о загробной жизни совсѣмъ иное. Въ Евангеліи сказано, что тамъ люди будутъ жить, какъ ангелы Божьи: жениться не будутъ и замужъ тоже не будутъ выходить. Праведные люди тамъ будутъ радоваться всегда созерцаніемъ Бога, осѣняемые Его славою и неизрѣченнымъ свѣтомъ они сами будутъ сіять, какъ свѣтила небесныя. Неужели въ такомъ блаженномъ состояніи человѣкъ захочетъ имѣть еще и супружескія сношенія?

Вѣдь тамъ мущины и женщины будутъ находиться въ постоянномъ славословіи Бога, всегда передъ нимъ: возможно-ли въ этомъ состояніи дѣлать то, что скрывается отъ людей даже въ этомъ грѣшномъ мірѣ? Сознайся лучше, Ивановна; вѣра мухаммеданская позволяетъ и здѣсь обижать женщинъ, дѣлая ихъ рабынями мужа, и тамъ за гробомъ не даетъ имъ мѣста, замѣнивъ ихъ гуріями. Въ христіанствѣ же, напротивъ, всѣ равны: мужъ имѣетъ только одну жену, долженъ любить ее и заботиться о ней и развестись съ нею не можетъ. За гробомъ же женщина праведная получаетъ то же, что и праведный мущина. Душа одинакова у мущины и у женщины. Она дана Богомъ, человѣкъ ее унижать не долженъ. Если будетъ унижать, то онъ противникъ Богу. Подумай, Ивановна, обо всемъ этомъ. И не лучше ли тебѣ оставить твоего Павла Евграфовича съ его гуріями и самой стремиться туда, гдѣ нѣтъ ихъ вовсе: гдѣ Богъ, Его ангелы да святые люди. Больше полжизни ты шла по пути, ведущему въ это мѣсто блаженства, и напрасно подъ старость свернула на путь ведущій въ мѣсто, похожее на домъ, гдѣ живутъ развратныя женщины и куда ходятъ не менѣе развратные мущины. Воротись, пока есть время, и будешь спасена.

Ивановна заволновалась, стала платкомъ утирать глаза, а я, пожелавъ ей спасенія, ушелъ въ зало хозяина, котораго засталъ бесѣдующимъ съ моимъ спутникомъ С. Аѳанасьевичемъ и съ о. Михаиломъ, только что пришедшимъ.

Поговоривъ съ хозяиномъ и его гостями минутъ десять и пожелавъ имъ здоровья и благополучія, мы попросили ихъ пожаловать на слѣдующій день для продолженія бесѣды.

Хозяинъ предложилъ намъ лошадь, но о. Михаилъ отказался подъ предлогомъ желанія познакомить меня съ Мелеузомъ. Мы отправились по направленію къ кладбищу по улицѣ, населенной преимуществено отпавшими. Почти на самомъ концѣ улицы о. Михаилъ показалъ мнѣ домъ Рамазана, у крыльца котораго мы замѣтили до 5-ти человѣкъ въ бѣлыхъ чалмахъ. Изъ этого нетрудно было заключить, что домъ, или вѣрнѣе пристройка къ дому Рамазана служитъ мечетью, куда и собрались отпавшіе для совершенія вечерней молитвы.

Дойдя до кладбища, мы видѣли мѣсто, освященное для перенесенія старой церкви. Къ этому мѣсту прилегаетъ улица, населенная преимущественно чувашами. На возвратномъ пути по этой улицѣ къ дому о. Михаила, онъ показалъ домъ бывшаго церковнаго старосты Еремея—нынѣ фанатичнаго мухаммеданина Ермухаммеда. Домъ его, частью каменный, обличаетъ богатство хозяина—купца. Подойдя къ церкви, мы поднялись на колокольню, откуда любовались прекраснымъ видомъ села и его окрестностей. Въ квартирѣ о. Михаила весь остатокъ вечера прошелъ во взаимной передачѣ впечатлѣній дня.

II.

7 мая. Другая публичная бесѣда была назначена мною на 7 мая, въ 9 часовъ утра. Такъ какъ я наканунѣ объявилъ, что на эту бесѣду наряда черезъ полицію не будетъ, то утро я встрѣтилъ безпокойнымъ вопросомъ: придетъ ли кто на бесѣду или нѣтъ? Если придетъ хотя пять человѣкъ, то значитъ бесѣды мои кое-кого заинтересовали и проповѣдь здѣсь возможна и не безцѣльна, а если не будетъ никого, значитъ всѣ семьдесятъ вчерашнихъ слушателей явились на бесѣду страха ради полицейскаго, и мои слова остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Посланный въ Правленіе объявилъ, что, кромѣ одного старика, тамъ никого нѣтъ. Я въ девять часовъ пошелъ въ правленіе и пригласилъ этого старика въ домъ священника.

— Чѣмъ здѣсь сидѣть, дѣдушка, пойдемъ въ домъ священника, поговоримъ малость, а тамъ, можетъ быть, и народъ соберется.

— Ладно, пойдемъ; но мнѣ кажется, что наши сюда, въ правленіе, не придутъ: они хотѣли собраться въ мірскую избу, а когда соберутся, то пришлютъ за тобой лошадь.

Я ввелъ старика въ кабинетъ о. Михаила и предложилъ ему стулъ.

— Ну, дѣдушка, разсказывай о томъ, что видѣлъ на своемъ вѣку, а я послушаю. Ты, чай, много видѣлъ и слышалъ; тебѣ много-ли лѣтъ?

— Мнѣ уже семьдесятъ два года, старъ я сталъ, и память уже слаба.

— У тебя большое семейство?

— Порядочное; есть сыновья, одинъ изъ нихъ въ солдатахъ.

— И достатокъ у тебя есть, ладно живешь?

— Нонче плохо сталъ жить, а прежде жилъ хорошо. Служилъ три года церковнымъ старостой, и отецъ мой служилъ старостой же шесть лѣтъ.

— Отецъ у тебя былъ такой же старикъ, какъ ты, или умеръ моложе?

— Онъ не дожилъ до моихъ лѣтъ, но его мать, моя бабушка, жила до глубокой старости. Она помнила Пугачева и, играя съ нами верхомъ на палочкѣ (изъ ума ужъ выжила) представляла его, какъ онъ ѣздилъ верхомъ на конѣ, какъ его солдаты ходили по деревнѣ и пугали людей.—Натерпѣлись тогда страху: кто сидѣлъ въ подпольѣ, кто прятался въ лѣсу.

— Скажи, пожалуйста, дѣдушка, не говорила ли тебѣ бабушка, какую вѣру тогда держали въ Мелеузѣ: русскую или татарскую?

— Не помню, не говорила.

— А можетъ слышалъ отъ другихъ стариковъ о томъ, какъ крестилъ Пугачевъ мелеузовскихъ татаръ?

— Нѣтъ, не солгу, не слыхалъ ничего. Знаю только, что у насъ отцы и дѣды ребятъ крестили, но русскія имена забывали; вѣнчаться ходили въ церковь, а молились и жили по мухаммедански.

— Вотъ ты, дѣдушка, три года былъ старостой, а отецъ— шесть лѣтъ, вѣдь и въ церковь ходили часто, такъ неужели тамъ вамъ ничего не понравилось, и ничего вы не понимали, что не полюбили вѣру православную?

— Стоять мы стояли и деньги собирали, а придя домой, намазъ свой совершали.

— Вѣдь намазъ совершается на арабскомъ языкѣ, котораго ты вовсе не знаешь, а въ церкви служба и проповѣдь— на русскомъ языкѣ, который ты все же понимаешь немножко. Не лучше ли тебѣ было-бы внимательнѣе слушать молитвы въ церкви, чѣмъ безсмысленно молиться арабскими словами.

— У насъ отцы и дѣды такъ дѣлали, и вся деревня такъ поступала, то я одинъ не могъ поступать иначе. Къ тому-же попъ былъ строгій, съ нами много не разговаривалъ, а больше ругалъ.

— А если бы священникъ говорилъ съ тобой много, да все о хорошемъ, о душеспасительномъ, то ты сталъ бы его слушать?

— Какъ же не слушать хорошія слова?

— А если эти слова хорошія касались перемѣны вѣры, то, вѣроятно, ты сталъ бы кричать такъ же, какъ кричали нѣкоторые изъ вашихъ стариковъ въ Правленіи?

— Зачѣмъ кричать? Противъ царскаго закона не пойдешь: законъ велитъ, такъ надо слушать.

— Правду ты сказалъ, дѣдушка; закону надо повиноваться, потому что, что велитъ законъ, то велитъ Богъ..

Въ это время явились въ комнату Василій Евграфовъ и другой рыжій татаринъ. Я предложилъ имъ мѣсто. Василій Евграфовъ занялъ стулъ, а послѣдній дерзко сказалъ: „ты сегодня опять собираешь народъ, опять время ведешь, мы рабочіе

люди, зачѣмъ насъ напрасно тѣснишь? Все это онъ сказалъ на чисто-русскомъ языкѣ.

— Я никого не стѣсняю, поэтому еще вчера объявилъ, чтобы на бесѣду собрались лишь желающіе послушать. Ты же, если не хочешь слушать, можешь идти, куда тебѣ угодно.

— Не довольный отвѣтомъ, онъ еще спросилъ: тебѣ надо мелеузовскихъ или стороннихъ тоже? Я не здѣшній, я—канибековскій Белебеевскаго уѣзда; есть что-ли мое имя въ твоемъ указѣ?

— Въ моемъ указѣ поименно, кромѣ двоихъ, никто не названъ, да вы вѣдь не называете себя настоящими именами, поэтому гдѣ васъ всѣхъ переименовать? Мнѣ же не нужно именъ, а людей, которые будутъ слушать мою бесѣду.

— Я слушать не стану и нечего слѣдовательно толковать!

Съ этими словами рыжій татаринъ захлопнулъ дверь и ушелъ.

По его уходѣ я обратился къ старику и В. Евграфову: вотъ вѣдь человѣкъ, за что сердится и кричитъ: вѣдь, — скажите пожалуйста, — я ему ничего худого не сдѣлалъ и не говорилъ. Неужели вѣра мухаммеданская велитъ безъ всякой причины бранить и обижать человѣка? А у насъ Евангеліе учитъ, что всѣхъ людей надо любить, не исключая даже враговъ. Прочиталъ отъ Матѳея гл. 5 стихи 44 и 45.

— Однако, обижаютъ-же иногда людей и русскіе? — сказалъ Василій Евграфовъ.

— Бываетъ, даже нерѣдко, но это такіе люди, которые не соблюдаютъ заповѣдей Божьихъ. Я вѣдь не сказалъ, что всѣ русскіе праведники. Въ мірѣ безгрѣшныхъ людей нѣтъ, но есть люди кающіеся въ своихъ грѣхахъ и получающіе прощеніе грѣховъ по усердной молитвѣ къ Богу. Не желаете-ли послушать, какъ у насъ вѣрующіе молятся о прощеніи грѣховъ въ церкви.

— Читай.

Я прочиталъ изъ книжки „о исповѣди“, молитвы предъ исповѣдію: Помилуй насъ, Господи и пр. и псаломъ 50-й. Затѣмъ, говоря вообще о пользѣ сознательной молитвы, я прочиталъ весьма назидательное предисловіе къ часослову. Подъ ко-

нецъ чтенія явился сельскій староста изъ чувашъ и объявилъ, что татары собрались и приглашаютъ къ себѣ въ мірскую избу. Я поспѣшилъ туда. Захвативъ съ собой нужныя для бесѣды книги, я вышелъ на крыльцо, думая дойти пѣшкомъ, но принужденъ былъ воспользоваться любезностью старосты, приславшаго за мной лошадь.

Проѣзжая по улицѣ по направленію къ мірской избѣ, мы увидали кучу татаръ у воротъ Василія Евграфова. Одинъ изъ собравшихся, выбѣжавъ впередъ, остановилъ кучера и объявилъ намъ, что вести бесѣду въ расправѣ (такъ онъ назвалъ мірскую избу) неудобно, потому что тамъ собрались женщины съ ребятами, которымъ фельдшеръ прививаетъ оспу. Старики желаютъ, сказалъ онъ, чтобъ вы говорили съ ними въ домѣ Батыр-гирея, который приглашаетъ васъ.

Василій Евграфовъ встрѣтилъ насъ у воротъ и ввелъ въ ту самую комнату, въ которой мы были наканунѣ. Я пригласилъ всѣхъ собравшихся занять мѣста. Болѣе почетныхъ хозяинъ пригласилъ къ столу, а остальные заняли мѣста кто на стульяхъ, кто остался стоять, прислонившись къ стѣнѣ. Всѣхъ собравшихся было около тридцати человѣкъ. Въ числѣ ихъ былъ и рыжій канибековецъ. Самое почетное мѣсто направо отъ меня занялъ Ермухаммедъ, бывшій церковный староста. Рамазана сегодня не было. Онъ очевидно не явился потому, что не надѣялся на свои слабыя познанія для веденія бесѣды. Я началъ бесѣду чтеніемъ нагорной проповѣди Спасителя по Евангелію. Прочитавъ 5 главу Евангелія отъ Матѳея, я спросилъ слушателей, какъ имъ нравится Евангельское ученіе?

— Хорошо; читай, мы готовы слушать, послышались голоса.

— Но можетъ быть вамъ понравилось въ особенности одно мѣсто, а другое менѣе нравится?

— Намъ все нравится, читай.

Прочиталъ гл. 6-ю и обратился опять съ вопросомъ.

— Ну, скажите, понятно-ли вамъ все?

— Понятно, какъ-же, по нашему читаешь.

— Языкъ-то вашъ, но ученіе-то такое-ли, какъ, напримѣръ, въ Коранѣ?

— Мы Корана не можемъ читать, не учились.

— Но если вы и не учились, то все-же можете сказать, слышали-ли когда-либо, напримѣръ, о томъ, что смотрѣть на чужую жену съ нехорошей мыслію равносильно прелюбодѣянію или о томъ, что, если кто безъ вины разлучаетъ жену и женится на другой, прелюбодѣйствуетъ? Если такое ученіе въ Коранѣ?

— Не знаемъ; мы не муллы.

Въ это время вошелъ въ комнату молодой человѣкъ, прихрамывая на одну ногу. Ему уступили дорогу, и хозяинъ указалъ ему мѣсто противъ меня. Гость былъ одѣтъ богато и чисто и напоминалъ собой купеческаго сына или шакирда, сына богатаго муллы. Былъ онъ приглашенъ или самъ явился, я не знаю, но только онъ со вниманіемъ слушалъ чтеніе Евангелія, которое я началъ по предложенію слушателей.

— Прочитавъ 7-ю главу, я опять обратился къ слушателямъ съ просьбой высказать свое мнѣніе.

Всѣ молчали. Я замѣтилъ, что взоры присутствующихъ обратились къ шакирду (такъ буду его называть). Шакирдъ-же, видимо, готовился вступить въ бесѣду: онъ волновался, какъ было замѣтно по его раскраснѣвшемуся лицу и вздрагивающимъ губамъ. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ робко сказалъ:— вы, христіане, говорите, что Іисусъ—Сынъ Божій, а между тѣмъ у васъ въ Евангеліи сказано, что онъ сынъ Іосифа.

— Будьте любезны, шакирдъ, покажите это мѣсто.

— У меня нѣтъ Евангелія, а по русски читать я не мастеръ.

— У меня есть Евангеліе, въ переводѣ на тюркскій языкъ съ арабскими буквами; вотъ это самое,—сказалъ я, подавая ему Евангеліе въ переводѣ Каземъ-Бека.

Шакирдъ взялъ, сталъ перелистывать и читать, но нужнаго ему мѣста не находилъ.

Чтобъ не терять времени, я указалъ ему 1-ю главу Матѳея, прося читать не съ начала. Шакирдъ скоро нашелъ 16 ст. и прочиталъ вслухъ:

Іаковъ родилъ Іосифа, мужа Маріи, отъ Которой родился Іисусъ, называемый Христосъ.

— Какъ-же вы, христіане, учите, что Іисусъ—Сынъ Божій, тогда какъ Евангеліе ясно говоритъ, что Іисусъ сынъ Іосифа?—спросилъ шакирдъ.

— Прочитанное тобою мѣсто не говоритъ объ этомъ, а называетъ лишь Іосифа мужемъ Маріи.

— Это равносильно тому, что я говорю.

— Нѣтъ, шакирдъ, неравносильно: можно называться мужемъ, но не быть отцомъ.

— Но кто же отецъ Іисуса?

— Отвѣтъ на твой вопросъ ты найдешь тутъ же въ Евангеліи: потрудись читать дальше,—сказалъ я, указывая на 18 ст. той-же главы.

Шакирдъ прочиталъ:

Рождество Іисуса Христа было такъ: по обрученіи Матери Его Маріи съ Іосифомъ, прежде, нежели сочетались они, оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго.—Какъ же понять тогда то, что сказано раньше въ 16 ст. У васъ должно быть тоже есть въ Евангеліи мѣста, отмѣняемыя другими стихами—(насхъ и монсухъ) [1])?

— Въ Евангеліи насхъ и монсуха нѣтъ; въ немъ ничто не измѣняется, даже одна буква, одна точка. Кажущіяся же на первый взглядъ непонятными мѣста поясняются другими мѣстами. Напримѣръ, 18 ст. и дальнѣйшіе стихи поясняются 16 ст., какъ мы сейчасъ видѣли. 23 ст. 3 главы Евангелія отъ Луки говоритъ о томъ, какимъ мужемъ Маріи былъ Іосифъ.

— Интересно прочитать это мѣсто.

— Сдѣлай одолженіе.

Шакирдъ прочиталъ:

Іисусъ, начиная Свое служеніе, былъ лѣтъ тридцати и былъ, какъ думали, сынъ Іосифовъ, Иліевъ...

— О комъ-же это говорится „какъ думали“? — спросилъ шакирдъ.

---

1) Извѣстный у мухаммеданъ пріемъ толкованія Корана.

— Говорится о тѣхъ людяхъ, которые не знали, что Іисусъ родился по наитію отъ Духа Святаго. Ты же и всѣ мухаммедане думаю, не станете утверждать, что Іисусъ сынъ Іосифа, потому что коранъ называетъ его Руху'ллагъ „Духъ Божій“, а въ Евангеліи Іисусъ названъ родившимся отъ Духа Божія. Теперь я спрошу: новое ученіе сказалъ о Іисусѣ Мухаммедъ въ Коранѣ, или подтвердилъ только слышанное уже въ Евангеліи?

— Коранъ данъ Мухаммеду—миръ ему—отъ Бога, а Евангелія онъ не читалъ.

— Знаю, что не читалъ, потому что онъ былъ неграмотный, но онъ могъ слышать Евангельское ученіе о Іисусѣ Христѣ отъ другихъ.

— Въ нашихъ книгахъ этотъ вопросъ не встрѣчается.

— Но за то встрѣчается другой вопросъ, вопросъ о времени явленія Евангелія?

— Евангеліе пришло раньше Корана.

— Поэтому надо полагать, что Мухаммедъ слышалъ коечто о Іисусѣ.

— Онъ слышалъ не отъ людей, а отъ Гавріила.

— Можетъ быть онъ „слышалъ отъ Гавріила“ о Іисусѣ, какъ о Духѣ Божіемъ, а люди—переписчики и собиратели Корана—произвольно внесли въ него ученіе о Іисусѣ, какъ о простомъ человѣкѣ, рабѣ Божіемъ? Вѣдь былъ у Мухаммеданъ писарь, который за стихи Корана сталъ выдавать свои стихи, за что и прогналъ его Мухаммедъ [1]) и хотѣлъ даже убить его [2]). Мало того, даже самъ Мухаммедъ иногда принималъ внушенія дьявола за внушенія Гавріила: напр. стихи Корана о почитаніи идоловъ по имени Ал-лата, Аль-узза и Маната, по толкованію вашихъ же ученыхъ муллъ, внушилъ ему дьяволъ. Основательно, поэтому, думать, что стихи Корана о Іисусѣ, какъ о простомъ пророкѣ, внушены Мухаммеду или діаволомъ или записаны произвольно писцами Мухаммеда и какъ таковые должны, по теоріи насхъ и мансухъ, подвергнуться отмѣненію въ пользу

[1]) См. „Зависимость мнимобожественныхъ откровеній Корана отъ обстоятельствъ жизни Мухаммеда“. Ѳеодора Смирнова. Казань 1893 г. стр. 89.

[2]) Ирвингъ. Жизнь Магомета. Москва. 1898. стр. 269.

тѣхъ стиховъ Корана, въ которыхъ Іисусъ называется Руху'л-лагъ Духъ Божій. Согласенъ-ли, шакирдъ, съ этимъ?

— Нѣтъ, мы ничего не можемъ прибавить къ толкованію нашихъ ученыхъ напр. Абу-Ханифы, а у него объ этомъ нѣтъ рѣчи.

— Значитъ, ты не согласенъ со мной лишь потому, что не велятъ толкованія. Но вѣдь толкователи Корана, въ томъ числѣ и вашъ Абу-Ханифа, были не пророки, а простые люди, хотя и ученые. Неужели ихъ сочиненія не подлежатъ разбору?

— На сочиненія первыхъ толковниковъ есть толкованія вторыхъ, а на нихъ третьихъ и т. д.

— А ты ко всѣмъ этимъ толкованіямъ прибавь и свое толкованіе, въ которомъ старайся слѣдовать не только буквѣ Корана, но и смыслу его и своему разуму, да сличай свои выводы съ Евангеліемъ. Тогда увидишь ясно, что Іисусъ, названный въ Коранѣ: Духъ Божій и Слово Божіе (Коранъ 3, 34; 4,169), задолго до Корана названъ: Рожденнымъ отъ Духа Святаго (Мѳ. 1, 20 и 21), Словомъ Божіимъ, воплотившимся для спасенія людей (Іоан. 1 гл.) и проч.

— Мы не можемъ произвольно толковать книги.

— Вы не только можете, но и должны толковать, т. е. съ разсужденіемъ читать книги, только не хотите. А между тѣмъ вашъ же Коранъ говоритъ, что вы, если хотите быть справедливыми въ своихъ сужденіяхъ, должны сличать Коранъ съ прочими книгами:

Принесите пятикнижіе и читайте его, если вы справедливы. Коранъ 3, 87.

Сличивши всѣ мѣста Корана о Іисусѣ съ подобными мѣстами въ другихъ книгахъ, т. е. въ Библіи, и зная, что, напр. Евангеліе существовало задолго до Корана, тебѣ не трудно будетъ придти къ заключенію, что истинное ученіе о Іисусѣ содержится не въ толкованіяхъ вашихъ ученыхъ и муллъ, а въ подлинныхъ книгахъ пророковъ и Евангеліи.

Шакирдъ слушалъ молча и, очевидно, не находя что-либо возразить, пожелалъ прекратить бесѣду, ссылаясь на 6 ст. 109 гл. Корана:

У васъ свой вѣроуставъ, у меня свой вѣроуставъ.

Шакирдъ всталъ и на прощаніе протянулъ мнѣ руку. Я спросилъ его:—значитъ вы, шакирдъ, не желаете продолжать бесѣду?

— Мнѣ некогда бесѣдовать долго.

— Можетъ быть вы желаете познакомиться съ нашимъ „вѣроуставомъ“? Вотъ Евангеліе на тюркскомъ языкѣ; я могу предложить его вамъ для прочтенія на домъ.

Шакирдъ только что протянулъ было руку за книгой, какъ подходитъ къ нему одинъ изъ татаръ и грубо отклоняетъ его руку со словами: „не бери, я тебѣ говорю: не бери! Они подсунутъ тебѣ еще какую-нибудь книгу и тогда отвѣчай самъ!“

Что хотѣлъ выразить этими словами татаринъ и, кто онъ такой самъ, я не знаю, но на шакирда его слова подѣйствовали сильно. Шакирдъ заволновался и, оставивъ книгу на столѣ, поспѣшилъ уйти. Выходя изъ комнаты, онъ сказалъ, что пришлетъ за книгой кого-либо, или самъ придетъ къ священнику за ней.

По уходѣ шакирда выступилъ изъ толпы молодой татаринъ съ бойкимъ видомъ и предложилъ вопросъ:

Какъ думать о почитаніи христіанами иконъ: не есть ли это идолопоклонство?

— Икона или образъ не есть идолъ, а изображенія святыхъ людей и явленій Бога въ образѣ человѣка и пр. Почитаніе иконъ тогда только было бы идолопоклонствомъ, когда бы мы христіане, поклонялись имъ вмѣсто Бога. Мы же этого не дѣлаемъ. Молясь предъ иконой, мы возносимъ свой умъ къ Богу и мысленно представляемъ того невидимаго святого, чей образъ видимъ на иконѣ.

— Какая-же польза отъ иконъ, когда вы не молитесь имъ: ты самъ сказалъ, что Богу только молитесь?

— Такая-же польза, какую ищете вы, мухаммедане, въ почитаніи „священныхъ“ мѣстъ Мекки и Медины: каабы, чернаго камня, одежды Мухаммеда, выбитаго на войнѣ зуба его и проч.

— То — вещи священныя, а иконы сдѣланы вашими же мастерами.

— Дѣлаютъ иконы, правда, мастера, но Богъ ихъ освящаетъ. Одежды и башмаки Мухаммеда, вѣдь, тоже дѣло рукъ обыкновенныхъ людей, можетъ быть его женъ и наложницъ, однако-же вы считаете эти вещи священными. Разъ Богъ, по вашему ученію, освятилъ каабу, черный камень, самого Мухаммеда съ его одеждой, обувью, то нисколько не удивительно для мухаммеданъ должно быть и христіанское ученіе о томъ, что Богъ по молитвѣ своихъ избранниковъ освящаетъ воду, а черезъ окропленіе ея — изображенія святыхъ или иконы. Вода изъ источника Земъ-Земъ [1]) откуда получила освященіе?

— Отъ Бога, конечно.

— Богъ, освятившій воду Земъ-Земъ, силенъ освятить и всякую воду: и воду Бѣлой и воду Мелеузки (рѣкъ).

— Богъ все можетъ святить, но зачѣмъ Ему святить вещи, которыя служатъ многимъ во грѣхъ: я слышалъ русскихъ, называющихъ иконы: Богъ, Божья Матерь, Спаситель, Николай Чудотворецъ и пр.

— Правда, есть люди, которые называютъ иконы такъ, но вѣдь они не думаютъ въ то же время, что икона—Богъ.

— Зачѣмъ-же говорятъ такъ, если не думаютъ?

— Говорятъ для удобства, для краткости; короче сказать: Божья Матерь, чѣмъ икона святой Дѣвы Маріи, родившей Іисуса отъ Духа Божія. Ты указываешь на русскихъ неученыхъ людей и винишь ихъ за сокращеніе рѣчи. Мухаммедъ еще больше ихъ сокращалъ. Я думаю, что тебѣ извѣстенъ разсказъ:

Однажды къ Мухаммеду пришелъ человѣкъ и привѣтствовалъ его: салямъ аляйка (миръ тебѣ), а Мухаммедъ ему отвѣчалъ: ва галяйка ссаляму варахматуллаги — (да будетъ и надъ тобою миръ и милость Божія)!

Узнавши такой отвѣтъ Мухаммеда, подходитъ къ Мухаммеду другой человѣкъ и привѣтствуетъ его такъ: салямъ аляйка варахматуллаги! Мухаммедъ отвѣчалъ: ва галяйка ссаляму варахматуллаги ва барякятугу (да будетъ и надъ тобою миръ и милость Божія и благословеніе Его)!

[1]) Священный у мусульманъ источникъ въ Меккѣ.

Услыхавши о такомъ привѣтствіи Мухаммеда, приходитъ къ Мухаммеду еще одинъ человѣкъ и привѣтствуетъ его такъ: салямъ аляйка, ва рахматуллаги ва барякятугу! Но Мухаммедъ отвѣчалъ уже только: вааляйка — (и тебѣ)! [1]).

Мой собесѣдникъ или убѣдился моими доводами, или не твердо зналъ ученіе ислама,—не знаю, но только замолчалъ и отступилъ отъ стола.

Послѣ этого я обратился къ слушателямъ:

— Вотъ вамъ шакирдъ сказалъ все, что только могъ сказать противъ христіанства, и вы слышали, что его возраженія оказались лишь недоразумѣніемъ вслѣдствіе незнанія Евангелія. Когда же онъ, желая узнать Христову вѣру получше, хотѣлъ взять у меня для чтенія Евангеліе, то одинъ изъ васъ, вопреки ученію Корана, который велитъ читать Евангеліе, воспрепятствовалъ ему въ исполненіи его благочестиваго желанія, отнявъ у него книгу. Другой-же изъ васъ, съ которымъ я только-что бесѣдовалъ, старался представить христіанъ идолопоклонниками, но на сколько онъ заблуждается въ своихъ понятіяхъ о почитаніи христіанами иконъ, — вы сами сейчасъ слышали. Такъ какъ никто изъ васъ больше не возражаетъ мнѣ по поводу сказаннаго мною о Іисусѣ и иконопочитаніи, то надо полагать, что вы соглашаетесь со мной въ томъ, что Іисусъ есть не простой пророкъ, рабъ Божій, а Духъ Божій, Слово Божіе или иначе Сынъ Божій; иконопочитаніе-же не есть идолопоклонство а весьма спасительный, Богомъ установленный благочестивый обычай. Такъ-ли?

— Можетъ быть и такъ, но мы не сказали, что соглашаемся съ тобой, послышался сзади голосъ.

— Ну, тогда говорите, въ чемъ не соглашаетесь.

— Мы не ученые, не муллы съ тобой спорить. Ты лучше отпусти насъ каждаго дѣлать свое дѣло: кому надо пахать, кому дрова рубить — вотъ наше занятіе.

— Я васъ не задерживаю, какъ и раньше не одинъ разъ объ этомъ заявлялъ. Однако не думаю, что для васъ такъ уже

[1]) См. „Объ Адамѣ по ученію Библіи и Корана". Разговоры Протоіерея Евѳимія Малова съ ученымъ муллой. Казань 1885 г. стр. 139 и 140.

дорога часть дня, которую вы употребили на слушаніе бесѣды, что спасеніе не стоитъ утраченнаго для ежедневныхъ вашихъ занятій времени. А по моему своимъ спасеніемъ отъ мученій ада и блаженствомъ рая мы настолько должны дорожить, что исканіе пути къ этому должно быть главнымъ нашимъ занятіемъ въ жизни. Въ заключеніе своей бесѣды я долженъ вамъ замѣтить, что вы, очевидно, мало думаете о будущей жизни и не стараетесь найти истинный путь къ ней. Вы стали на путь мухаммеданства, оставивъ спасительный путь Христовъ, безсознательно, увлекшись наружной только стороной ислама, а скрывающейся въ немъ внутренней лжи не знали. Вы заблуждаетесь. Подумайте серьезно и вы согласитесь, что въ мухаммеданскомъ ученіи нѣтъ истины, а заимствованная изъ христіанства истина перемѣшана въ немъ съ языческою ложью. Вотъ вамъ нѣкоторыя доказательства на это:

Не ложь ли это, что Богъ, по Корану, самый искусный хитрецъ [1]); такой хитрецъ, что Его хитрости не замѣтны и для хитрыхъ людей [2]). Богъ, по Корану, не только хитрый, но и злой: онъ хочетъ вводить людей въ заблужденіе [3]), по своей волѣ назначаетъ людямъ адъ [4]), по своей же волѣ дѣлаетъ зло [5]) и вредъ [6]). Такъ-же и Мухаммедъ, котораго вы считаете пророкомъ, не имѣетъ качествъ истиннаго пророка. Изъ многихъ недостатковъ Мухаммеда, свидѣтельствующихъ о его непригодности для святаго званія пророка, назовемъ нѣкоторые. Пророкъ долженъ служить одному Богу и спасенію людей, а Мухаммедъ былъ такой-же человѣкъ, какъ и прочіе люди: занимался торговлей, ходилъ по базарамъ [7]); собиралъ милостыню [8]), завидовалъ чужому богатству [9]); однимъ словомъ былъ грѣшенъ [10])

---

1) Коранъ 8, 30.
2) Коранъ 27, 51.
3) Коранъ 11, 36.
4) Коранъ 17, 19.
5) Коранъ 37, 17.
6) Коранъ 48, 11.
7) Коранъ 25, 8.
8) Коранъ 58, 13.
9) Коранъ 20, 131.
10) Коранъ 40, 57.

и не зналъ будущаго [1]), слѣдовательно не былъ пророкомъ. Если бы онъ былъ пророкъ—святой человѣкъ, то не сталъ бы мстить своимъ врагамъ, а онъ мстилъ корейшитамъ за непризнаваніе его пророкомъ и изъ мести воевалъ съ мекканцами. Кого онъ не могъ достать рукой, тому мстилъ языкомъ: одному изъ своихъ дядей—Абдулъ-Узѣ—онъ далъ полное злой насмѣшки прозвище Абу-лягабъ (отецъ пламени) и опредѣлилъ его непремѣнно въ пламень ада, а жену его назначилъ таскать для этого огня дрова [2]). Если бы Мухаммедъ былъ пророкъ, то зналъ бы, что судъ принадлежитъ одному Богу.—Далѣе,—пророку не подобаетъ предаваться похоти сладострастія, увеличивая съ каждымъ днемъ свой гаремъ, а Мухаммедъ имѣлъ 14 женъ, да еще много наложницъ. Отнимать чужую жену потому только, что она красива и нравится,—не только пророку, но и простому человѣку нельзя, а Мухаммедъ отнялъ жену—у кого думаете?—У Зейда, своего усыновленаго сына, и, слѣдовательно женился на своей снохѣ [3])!

Зная все это, можно ли считать Мухаммеда пророкомъ? Очевидно нѣтъ. Какой же это пророкъ, который постоянно грѣшитъ, то воюя съ личными своими врагами, то предаваясь безмѣрной плотской похоти, для удовлетворенія которой женится на своей снохѣ! Что онъ дѣйствительно не пророкъ, это видно еще изъ того, что онъ не вѣрилъ и не надѣялся на помощь и покровительство Бога. Такъ, напр. онъ иногда скрывался отъ своихъ враговъ въ пещеры [4]). Ясно, онъ не надѣялся, что Богъ защититъ его отъ враговъ. Надо полагать, что онъ не находился подъ особеннымъ покровительствомъ Божіимъ, какъ неправильно учатъ мухаммедане. А вотъ шайтанъ имѣлъ къ Мухаммеду доступъ. Это видно изъ того, что шайтанъ заставилъ его произнести стихи, допускающіе многобожіе: „размышляли ли вы объ Аллатѣ, Уззѣ и Менатѣ, третьей особой? Это суть существа женскаго пола; по истинѣ на ихъ ходатайство можно

---

1) Коранъ 21, 109.
2) Коранъ 111 гл.
3) Коранъ 33, 36—40.
4) Коранъ 9, 40

надѣяться"[1]). Тотъ же шайтанъ помогъ врагамъ Мухаммеда околдовать его и причинить ему болѣзнь на шесть мѣсяцевъ, такъ что за это время Мухаммедъ лишился волосъ и бороды и до того обезсилѣлъ, что потерялъ способность пользоваться своими женами[2]), хотя и обладалъ въ этомъ отношеніи силою тридцати мущинъ[3]). Настолько овладѣлъ имъ шайтанъ!

Сказавъ это, я замолчалъ, ожидая возраженій. Но никто не возражалъ, не смотря на жестокость сужденій по адресу Мухаммеда. Въ заключеніе бесѣды я снова обратился къ слушателямъ:

— Все, что я высказалъ сейчасъ о Богѣ и Мухаммедѣ, согласно ученію ислама, вамъ, конечно, не нравится, но сердиться за это на меня не слѣдуетъ, потому что, все сказанное мною заимствовано изъ ученія Корана и его толкованій. Жаль, что вы не читали и не слыхали христіанскаго ученія о Богѣ и святыхъ людяхъ. Тогда бы вы видѣли разницу между христіанствомъ и мухаммеданствомъ и узнали бы, что истина на сторонѣ христіанъ. Въ доказательство того выслушайте небольшое сравненіе. По мухаммеданскому ученію, какъ мы сейчасъ видѣли, Богъ дѣлаетъ не добро только, но и зло, а по христіанскому ученію Богъ зла не дѣлаетъ, а лишь одно добро и хочетъ всѣмъ человѣкомъ спастись (1 Тим. 2, 4).

По мухаммеданскому ученію Богъ приноситъ людямъ иногда вредъ, а по христіанскому ученію—одно лишь добро (Мѳ. 5, 45), потому что Онъ благъ (Марк. 10. 18; пс. 144, 9).

По мухаммеданскому ученію пророки служатъ и Богу и міру съ его богатствомъ и наслажденіями, какъ дѣлалъ Мухаммедъ, а по христіанскому ученію пророки должны служить лишь одному Богу и спасенію людей. Такъ и поступали истинные пророки и апостолы. Авраамъ, по повелѣнію Божію, оставилъ родную землю и своихъ родственниковъ и переселился въ другую землю (Быт.

---

[1]) См. „Зависимость мнимобожественныхъ откровеній Корана отъ обстоятельствъ жизни Мухаммеда". Ѳедора Смирнова. Казань 1893 г., стр. 117—125.

[2]) См. толкованіе 113 гл. Корана въ книгѣ: Толкованіе седьмой части Корана на тюркскомъ языкѣ. Казань, 1889 г., стр. 338.

[3]) См. „Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ" Михаила Машанова. Казань, 1876 г., стр. 37 (въ приложеніи).

12, 1—6): Моисей для служенія Богу и своимъ ближнимъ оставилъ славу, почести и богатство при царскомъ дворѣ (Исх. 2, 11—15; Евр. 11, 24—27); Илія и Іоаннъ оставили все и жили въ пустынѣ (3 Царст. 17, 1—6; Лук. 1, 80; Мѳ. 3, 1—4). Апостолы такъ же оставили все и послѣдовали за Іисусомъ (Мѳ. 19, 27) и не имѣли ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни двухъ одеждъ, ни обуви (Мѳ. 10, 9 и 10). Нѣкоторые изъ нихъ для безпрепятственнаго служенія Богу отказались и отъ семейной жизни, какъ напр. Павелъ (1 Кор. 7, 8).

Послѣдовавшіе за апостолами въ ихъ ученіи и жизни преемники ихъ подобны имъ, такъ что и въ наше время есть люди, всецѣло посвятившіе себя на служеніе Богу, отказавшись отъ брака, почестей и богатства міра и пр. (монахи). Напротивъ, какъ вамъ извѣстно, Мухаммедъ качествъ истиннаго пророка не имѣлъ, а его послѣдователи — калифы и султаны — были лишь военачальниками, враждовавшими между собой постоянно: они мстили другъ другу и не мало даже мусульманской крови пролили въ своей взаимной враждѣ. Людей же, служившихъ, подобно апостоламъ, одному Богу, въ мухаммеданствѣ не было и теперь нѣтъ. Такъ называемые ишаны у васъ тѣ же муллы, нерѣдко очень богатые, имѣющіе по четыре жены. Вы знаете, что и съ одной женой нельзя жить въ мірѣ безъ заботъ о земномъ, а съ четырьмя тѣмъ болѣе. Заботы міра, какъ вамъ извѣстно, вытѣсняютъ изъ головы мысли о Богѣ, а безъ этихъ мыслей не принесетъ пользы человѣку и самое частое омовеніе и ношеніе шестидесятиаршинной чалмы. Вамъ извѣстно, что тѣло человѣка по смерти вмѣстѣ съ его одеждой обращается въ землю, а отходитъ къ Богу душа. Земля одинаково принимаетъ тѣло человѣка, всю жизнь не разстававшагося съ кумганомъ, и человѣка не совершающаго пятикратныхъ омовеній. Слѣдовательно болѣе, чѣмъ тѣло, мы должны омывать свою душу постояннымъ памятованіемъ о Богѣ, служеніемъ Ему, очищеніемъ посредствомъ покаянія и исправленія и добрыми дѣлами. Сознайте и вы свое заблужденіе и покайтесь. Милосердый Богъ, не хотящій смерти грѣшника, а хотящій всѣмъ спастися, приметъ ваше раскаяніе, если вы оставите Мухаммеда съ его пагубнымъ для человѣка

ученіемъ и возвратитесь ко Іисусу и будете жить по Его Святому ученію—по Евангелію.

На этомъ и закончилъ я вторую публичную бесѣду съ отпавшими. Болѣе я не счелъ нужнымъ продолжать бесѣду, потому что замѣтилъ утомленіе слушателей: бесѣда длилась около трехъ часовъ.

По моему предложенію слушатели разошлись по домамъ. Выходя изъ комнаты, нѣкоторые изъ нихъ высказывали обычное у татаръ благожеланіе: „сау бул"—будь здоровъ. Остались въ комнатѣ человѣкъ пять татаръ и столько же чувашъ, въ числѣ которыхъ былъ и сельскій староста. Хозяинъ Василій Евграфовъ предложилъ намъ чай, къ которому пригласилъ и присутствующихъ. Двое сѣли за столъ, а остальные отказались.

Одинъ изъ нихъ оказался тестемъ хозяина (отецъ молодой его жены), а другой, по его словамъ, былъ писаремъ и прикащикомъ. Послѣдній за чаемъ вступилъ со мной въ бесѣду, которую началъ возраженіемъ о расколѣ въ Русской церкви, какъ признакѣ, по его мнѣнію, неистинности христіанской вѣры. Сдѣланное мною указаніе на вѣчно враждующія другъ противъ друга секты въ исламѣ: 1) шіитовъ и суннитовъ и 2) ханифитовъ, ханбялитовъ, шафіитовъ, маликитовъ, мугтазилитовъ и бабистовъ и пр. заставило моего собесѣдника взять свое возраженіе назадъ. Затѣмъ онъ указалъ на примѣры нѣкоторыхъ интеллигентныхъ лицъ (студентовъ, какъ онъ ихъ назвалъ), не придающихъ религіи никакого значенія и сомнѣвающихся въ бытіи Бога. На это я сказалъ, что дѣйствительно такіе люди есть, были и будутъ, но это не доказываетъ, что Бога нѣтъ. Русское общество—большая семья, а пословица говоритъ: въ семьѣ не безъ урода. А что такіе люди дѣйствительно нравственные уроды, объ этомъ говоритъ книга зябуръ (псалтирь): сказалъ безумецъ въ своемъ сердцѣ: нѣтъ Бога (Пс. 13, 1). Такъ какъ бесѣда съ этимъ татариномъ-индиферентистомъ не имѣла отношенія къ исламу, то я и не записалъ ее полностью. Дальнѣйшія его возраженія, какъ и приведенныя, состояли въ передачѣ слышаннаго имъ въ полуинтеллигентной средѣ русской молодежи и мелкихъ чиновниковъ. Въ лицѣ „цивилизованнаго" своего собесѣдника

я, слѣдовательно, встрѣтилъ деревенскаго проводника городской религіозной заразы и убѣдился, что князь тьмы вѣка сего въ Мелеузѣ имѣетъ слугою не одного Рамазана.

Послѣ чая гости, простившись съ хозяиномъ, ушли по домамъ. Остался староста и чувашинъ подводчикъ. По уходѣ гостей я послалъ хозяина за Ивановной, чтобъ проститься съ ней. Чувашинъ мнѣ и говоритъ: „ну, батюшка, спасибо тебѣ: ты здорово сбилъ ихъ гордость, указавъ на ложность ихъ вѣры. А то они всегда хвалились своей вѣрой и Мухаммедомъ передъ нами, а теперь мы знаемъ, что̀ имъ отвѣчать: „хвалить-то хвали своего Мухаммеда, да выбитыхъ его зубовъ и заколдованнаго „мухамметку“ не забудь“ [1]). Отпустивъ эту остроту, чувашинъ самодовольно засмѣялся.

Пожелавъ хозяину Василію Евграфову и Ивановнѣ милостей отъ Бога и поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ соль, я со старостой и своимъ спутникомъ Аѳанасьевымъ отправился на поданной лошади въ домъ отпавшаго Космы Никитина, котораго съ семействомъ, согласно указу Консисторіи, я долженъ былъ увѣщевать. Разговаривая дорогой со старостой и съ кучеромъ по поводу вышеприведеннаго замѣчанія послѣдняго, я пришелъ къ заключенію, 1) что отпавшіе пытаются склонять къ мухаммеданству и чувашъ; 2) по незнанію мухаммеданскаго ученія и за нетвердымъ знаніемъ православнаго вѣроученія чуваши затрудняются защищать правоту своей вѣры предъ совопросниками изъ татаръ; 3) бесѣды мои подѣйствовали на чувашъ благотворно, познакомивъ ихъ со слабой стороной мухаммеданства и снабдивъ ихъ нѣсколькими готовыми отвѣтами на возраженія татаръ. Насколько было замѣтно, эти бесѣды убѣдили чувашъ въ превосходствѣ Христова ученія надъ Мухаммеданскимъ ученіемъ. Это и есть, пока единственный, видимый результатъ моихъ публичныхъ собесѣдованій въ Мелеузѣ.

Домъ Космы Никитина состоитъ изъ одной избы, раздѣляемой досчатой перегородкой на двѣ неравныя части. Пер-

---

[1]) Намекъ на болѣзнь Мухаммеда, о которой сказано выше.

вая, большая, половина представляетъ обыкновенную татарскую избу съ широкими нарами и проч., а вторая—чуланъ, въ который скрываются женщины и дѣти въ присутствіи въ домѣ постороннихъ мущинъ. Хозяина дома не оказалось. Дома были: старуха мать Космы Никитина, его жена и споха, жена старшаго сына. Послѣ обычнаго привѣтствія, я спросилъ хозяйку: могу-ли поговорить съ ними съ полчаса?

— Говори, если требуется, сказала жена хозяина.

Я пригласилъ ихъ сѣсть. Старуха осталась сидѣть на прежнемъ мѣстѣ — на нарахъ, хозяйка со снохой сѣли на лавку, а я съ Аѳанасьевымъ—на нары противъ старухи. Я обратился къ старухѣ:

— Ты мать будешь хозяину дома?

— Да, мать. Сынъ уѣхалъ въ Оренбургъ.

— Тебѣ, чай, много уже лѣтъ, бабушка, а слухъ и зрѣніе у тебя хорошо сохранились.

— Послѣдніе годы плохо стала видѣть, да и лѣта уже большіе: девятый десятокъ, кажется, идетъ. Умирать бы уже надо, да ажялъ (смерть) почему-то не приходитъ.

— Смерть придетъ и не замѣтишь, бабушка; поэтому и надо всѣмъ думать о смерти: вѣдь и молодые умираютъ. А на старости лѣтъ не только думать, но и готовиться къ смерти надо.

— Какъ готовиться? Смерть не требуетъ этого: для нея все равно.

— Для нея-то все равно, но для насъ не все равно: если умрешь не приготовившись, то на томъ свѣтѣ будетъ плохо, а если приготовишься, то будетъ хорошо.

— Гдѣ намъ знать, что тамъ будетъ: мы не ученыя, книгъ не читаемъ. А вотъ дѣти читаютъ и я слышала, что надо умирать съ вѣрою въ Бога и пророка нашего (т. е. Мухаммеда) и будетъ хорошо.

— А по нашему одной вѣры недостаточно для того, чтобы тамъ, на томъ свѣтѣ, было хорошо; нужны еще молитва и хорошая жизнь здѣсь на землѣ.

— И мы, вѣдь, молимся,—намазы читаемъ.

— Но понимаешь ли ты, бабушка, слова, которыя читаешь въ намазѣ?

— Гдѣ намъ понимать арабскія слова.

— А ты не слыхала никогда молитвъ на татарскомъ языкѣ?

— Нѣтъ, молитвы всѣ по арабски.

— Въ моихъ книгахъ есть молитвы по татарски. Если желаешь слышать, я прочитаю одну или двѣ изъ нихъ.

— Читай,

— Вотъ молитва, которую читаютъ утромъ. Я прочиталъ „къ Тебѣ, Владыко". А вечеромъ молятся такъ: прочиталъ „Господи Боже нашъ". По прочтеніи спросилъ: понятно ли, бабушка?

— Понятно, по татарски.

— Въ нашей сторонѣ [1]) все такъ читаютъ для татаръ. Подобныя тебѣ старухи, слушая молитвы на своемъ языкѣ, съ пониманіемъ молятся Богу и сознательно готовятся къ смерти. Онѣ молятся о томъ, чтобъ Богъ простилъ ихъ грѣхи и очистилъ ихъ еще въ этомъ мірѣ, чтобъ явиться въ тотъ міръ чистыми для рая. Человѣкъ вѣдь придетъ на тотъ свѣтъ душою, а грѣхи съ души и ножомъ не соскоблишь. Это у васъ неправильно говорятъ, будто ангелы могутъ соскоблить грѣхи съ тѣла человѣка послѣ того, какъ оно нѣкоторое время погоритъ въ адскомъ огнѣ. Въ мірѣ безъ грѣха прожить невозможно. На что святъ пророкъ Давидъ и тотъ согрѣшилъ. Лишь усердная молитва и раскаяніе въ грѣхѣ его очистили. Вотъ какъ онъ молился: прочиталъ 50 псаломъ. И мы каждый день молимся Богу этими и подобными словами, потому что и мы почти каждый день грѣшимъ чѣмъ либо. Хорошо нашимъ старухамъ: имъ все понятно: а ты вотъ молишься и не знаешь о чемъ молишься. Въ молодости ты, вѣроятно, слышала молитвы по русски и не понимала, а на старости лѣтъ слышишь и произносишь молитвы по арабски и тоже не понимаешь. А вотъ я прочиталъ молитвы, такъ ты всѣ слова понимала.

— Слова-то татарскія, да молитвы чай не мухаммеданскія?

[1]) Въ Мензел. уѣздѣ.

— Истинная молитва, и для татаръ, и для чувашъ и для русскихъ одинакова: Богъ у всѣхъ Одинъ и молиться Ему надо одинаково. Тотъ, кто молится Богу, но не понимаетъ, о чемъ молится, подобенъ малому ребенку, который проситъ у отца или матери то, что ему можетъ причинить вредъ, напр. горячій чай, которымъ онъ можетъ обжечься, вино и табакъ, которые и для большихъ вредны, и т. п.

— Безъ чая-сахара тоже нельзя жить, вставила слово жена Космы Никитина; вотъ наши мужики поѣхали въ Оренбургъ, когда пить и ѣсть хотятъ.

— Они поѣхали въ Оренбургъ, а могутъ попасть въ другой городъ или селеніе, вѣдь заблуждаются иногда въ пути? Спросилъ я ее, желая завязать съ ней разговоръ.

— Говорятъ, что шайтанъ сбиваетъ въ такихъ случаяхъ съ пути.

— Вѣрно говоришь: шайтанъ такъ-же сбиваетъ людей съ пути жизни. Напр. онъ обманомъ показываетъ людямъ худое хорошимъ, злое добрымъ, ложь истиной и такимъ образомъ многихъ вводитъ въ заблужденіе и влечетъ на путь, ведущій въ адъ.

— А какъ можно узнать обманъ діавола?

— А вотъ какъ: если человѣкъ дѣлалъ добро, жилъ честно и хорошо, да потомъ сталъ дѣлать зло, обманывать и всячески грѣшить, то это значитъ, что шайтанъ обманываетъ его, сбиваетъ съ пути. Если человѣкъ раньше говорилъ правду, а потомъ сталъ говорить ложь, то это значитъ, что діаволъ обманываетъ его. Если человѣкъ родился въ истинной, спасительной вѣрѣ и жилъ въ ней полжизни, да потомъ измѣнилъ своей родной истинной вѣрѣ, уклонившись въ сторону другого неистиннаго ученія, то это значитъ, что діаволъ соблазнилъ его, сбилъ съ истиннаго пути. Дѣла и слова людей, слѣдовательно, свидѣтельствуютъ о томъ, по какому пути они идутъ. Если дѣла и слова человѣка не противны Богу и его собственной совѣсти, то онъ идетъ по пути къ раю, а если дѣла человѣка и слова его противны Богу и его совѣсти, то онъ заблудился и идетъ по пути къ аду, куда и ведетъ его шайтанъ. Дьяволъ хитрый, поэтому онъ иногда для заблужденія людей избираетъ

такія средства, которыя почти незамѣтны для обыкновенныхъ людей. Напр. въ книгахъ должны заключаться одни лишь хорошія слова, а діаволъ иногда путаетъ разумъ пишущихъ книги людей и этимъ незамѣтно для нихъ вставляетъ между правдивыми словами сочинителя и свои лживыя слова, отчего и получается неясность и противорѣчіе въ книгѣ. Такихъ противорѣчій много въ книгѣ Рубгузи „Исторія пророковъ“, почему и недолюбливаютъ эту книгу ваши-же муллы. Нѣтъ-ли у васъ этой книги, я бы что нибудь прочиталъ изъ нея?

— Смотри, вонъ книги на полкѣ и читай, если умѣешь, сказала хозяйка.

Въ числѣ книгъ разной величины оказалась и книга Рубгузи. Раскрывъ книгу, я началъ читать объ Александрѣ Македонскомъ. Прочитавъ полстраницы, я спросилъ: скажите, пожалуйста, кто такой Александръ, о которомъ здѣсь написано.

— Самъ читалъ, такъ долженъ знать, сказала хозяйка.

— Въ томъ-то и дѣло, что по книгѣ нельзя знать, кто такой Александръ. Въ этой книгѣ онъ называется то царемъ, то пророкомъ, то какимъ-то двурогимъ [1]). Это все равно, если-бы о хозяинѣ дома Космѣ стали мнѣ говорить, что онъ или купецъ, или кузнецъ, или портной, или мельникъ, или съ рогами, то за кого бы я его считалъ? Такихъ людей, которые сами не знаютъ, кто такой Кузьма, я и слушать бы не сталъ. Ваша книга о пророкахъ говоритъ такъ же неопредѣленно и безтолково: стоитъ-ли ее читать и слушать? Тотъ, кто писалъ эту книгу, очевидно говоритъ объ Александрѣ то, чего самъ не знаетъ. Не вѣрьте ему. Вѣрьте такимъ книгамъ, въ которыхъ нѣтъ противорѣчій (ихтиляфъ), въ которыхъ содержится правда и истина. Самая главная изъ этихъ книгъ называется Инжиль (Евангеліе). Если вы любите правду, то слушайте не книгу Рубгузи, а Евангеліе. Жалѣю васъ, что не можете пользоваться для спасенія своей души слушаніемъ этой небесной книги.

---

1) Александръ Двурогій—въ рукописной книгѣ, принадлежащей муллѣ дер. Сакотъ Белеб. у., называется Александръ Римскій. Арабскій авторъ книги передаетъ о немъ такія-же разнорѣчивыя свѣдѣнія, какъ и Рубгузи.

У меня-же нѣтъ времени читать вамъ долго. Дай Богъ вамъ когда либо слышать истинные разсказы о пророкахъ.

Съ этими словами я оставилъ домъ Космы Никитина и отправился въ домъ сельскаго старосты.

Домъ старосты чувашина представляетъ изъ себя избу, ничѣмъ не отличающуюся отъ избъ чувашъ Белебеевскаго и Мензелинскаго уѣздовъ. На женѣ старосты былъ чувашскій головной уборъ. Это значитъ, что чуваши не совсѣмъ подпали еще подъ вліяніе мухаммеданъ, иначе женщины утратили бы особенности головного убора.

Изъ бесѣды въ домѣ старосты я вывелъ заключеніе, что чуваши дѣйствительно не одобряютъ отпаденія крещеныхъ татаръ въ мухаммеданство. „Нѣсколько разъ, сказалъ староста, татары просили приговоръ объ отводѣ мѣста для постройки мечети, но мы не дали". Узнавъ изъ словъ старосты, что коренные жители Мелеуза чуваши, а татары припущенники, я предложилъ старостѣ выяснить на сходѣ вопросъ: „если бы чуваши знали, что принятые ими въ общество крещеные татары современемъ отпадутъ въ мухаммеданство, то позволили бы они селиться имъ въ своей деревнѣ или нѣтъ? Можетъ быть ваши предки приняли ихъ къ себѣ потому только, что они были православные, а разъ они измѣнили этому условію совмѣстной жизни, то едва ли должны расчитывать на уступку земли для постройки мечети. Вы приняли ихъ, какъ друзей, а они считаютъ теперь васъ своими врагами". Этотъ совѣтъ, очевидно, понравился старостѣ: онъ обѣщалъ передать объ этомъ чувашамъ и сказалъ, что они не позволятъ татарамъ насмѣхаться намъ собой и Православной вѣрой. Пожелавъ старостѣ и черезъ него всѣмъ чувашамъ всякаго благополучія, я отправился въ домъ священника. Побесѣдовавъ съ о. Михаиломъ съ часъ времени, я собрался въ обратный путь.

Дальнѣйшее мое пребываніе въ Мелеузѣ хотя и могло быть полезнымъ, но, какъ приходскій священникъ, я не могъ располагать свободнымъ временемъ болѣе того, сколько тамъ пробылъ. Мнѣ было пріятно сообщеніе о. Михаила о томъ, что въ скоромъ времени въ Мелеузѣ будетъ второй священникъ изъ чу-

вашъ. Немалое удовольствіе доставило мнѣ и то обстоятельство, что о. Михаилъ пожелалъ основательно познакомиться съ мухаммеданскимъ ученіемъ и способами борьбы съ нимъ. Для этого я предложилъ ему выписать необходимыя книги изъ склада при Казанской Духовной Академіи, куда и было адресовано тутъ же денежное письмо. Проѣздомъ въ селѣ Зирганѣ я посѣтилъ священника о. Красносельцева, который весьма озабоченъ состояніемъ своихъ прихожанъ чувашъ, склонныхъ къ мухаммеданству. Въ г. Стерлитамакѣ былъ у благочиннаго протоіерея о. Андреева, который справедливо замѣтилъ, что бесѣды „наѣздомъ" мало приносятъ пользы. По его словамъ, въ Мелеузѣ надо-бы имѣть постояннаго миссіонера.

Побывавъ въ Уфѣ у Преосвященнаго Антонія и у муфтія Султанова, 15 мая благополучно вернулся домой на радость дѣтей и жены, которую досужіе языки въ селѣ стали было безпокоить разсказами о возстаніи отпавшихъ противъ христіанъ; передавали, между прочимъ, слухъ о убійствѣ одного изъ 30-ти присланныхъ къ нимъ священниковъ и т. п. небылицы. Когда-же на вопросъ окружавшихъ меня любопытныхъ прихожанъ я сказалъ, что ничего подобнаго не было, а напротивъ отпавшіе приняли меня, какъ гостя, то многіе, крестясь, говорили: Слава Богу, а мы думали, что ты тамъ въ опасности, и молились объ тебѣ.

— Ну, спасибо за это, сказалъ я. — Теперь молитесь и о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ я увѣщевалъ въ Мелеузѣ, чтобы и они не погибли, а возвратились въ Христову вѣру и спаслись.

Свящ. Стефанъ Матвѣевъ.

(Изданіе второе).

Оттискъ изъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 „Православнаго Благовѣстника“ за 1902 годъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется Москва, 29 мая 1902 года.

Цензоръ Священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. домъ.

П116